

18+

КАРИНА МИРОВА

САПФИРОВЫЕ ЛИНИИ ВСЕЛЕННОЙ

Её сила способна разрушить миры.
Его любовь — стать её скалой.

Карина Мирова

Сапфировые линии Вселенной

<https://litres.ru/74341009>

ISBN 9785007097543

Аннотация

В 22 года тело выгорает от артефакта в крови. Амелия считала пророческие сны бредом, пока авария не свела её с Лео — пробуждающим душу, и Заиром, Карателем, веками обнуляющим её жизни. Ей предстоит выбрать: быть марионеткой Системы или принять Проклятое наследие, вспомнить коды Изумрудных Скрижалей и развернуть Куб Метатрона ради спасения душ. Выдержит ли хрупкий проводник Истинный Свет? Эта книга — пробуждение духа.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Воспоминания	9
Глава 2. Исчезающий силуэт	21
Глава 3. Лео. Возвращение из небытия	35
Глава 4. Адский круг	38
Глава 5. Экзорцизм обыденности	43
Глава 6. По законам Фрейда	53
Глава 7. Проклятое наследие.	60
Глава 8. Остров где-то во Вселенной	78
Глава 9. Пятничное «Заклятие»	96
Глава 10. Исповедь	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Сапфировые линии Вселенной

Карина Мiroва

*Её Сила способна разрушить миры.
Его любовь — стать её скалой.*

© Карина Мiroва, 2026

ISBN 978-5-0070-9754-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сколько стоит право переписать законы Вселенной?

Если ты ведом лишь слепым, благородным порывом исцелить чужую боль и спасти тех, кого любишь, цена всегда оказывается непомерной. Семьсот лет назад ради спасения дорогой души я совершила то, что Высший Совет назвал преступлением, — похитила Сапфировую Печать. Древний могущественный артефакт, способный выравнивать Линии мироздания. Но магия не прощает импульсивности. Мой первый бунт обернулся катастрофой, а великая Сила Ключа навечно слилась с существом, превратившись в моё личное, проклятое наследие.

С тех пор я застряла в бесконечной, безжалостной петле перерождений. Из цикла в цикл человеческая оболочка сгорает от колоссальных перегрузок энергии, а память стирается дочиста. Наша планета слишком плотная, и в каждой новой жизни земной разум упрямо выстраивает барьеры, защищая от пугающей изнанки реальности и заставляя верить, что я — лишь обычная девочка с тяжёлым детством и укоренившимся страхом сойти с ума.

Но в этом цикле древние коды пробивают амнезию слишком быстро и агрессивно. Потому что матрица реальности дала системный сбой. Потому что серое чудовище по имени Заир — Каратель Высшего Совета — наконец отыскал ме-

ня. Он опутывает нитями контроля мою семью и терпеливо ждёт, когда я вспомню ментальный шифр подсознания и сама отдам ему Ключ.

Я осталась бы одна против этой бездны, если бы не он.

Лео. Единственный недостающий пазл и осязаемый земной якорь. Чистое существо, которое когда-то добровольно пало в этот омут и предало всё, во что верило, ради меня одной. Нас разделяли измерения, часовые пояса и тысячи километров, но ментальная нить между душами упрямо продолжает вибрировать натянутой струной. Стоит ему коснуться меня, как болезненный звон в ушах превращается в хрустальную музыку, а запертая энергия послушно течёт по каналам, отзываясь чистым блаженством. Он — моя Скала посреди бушующего шторма, готовая стереть в порошок любые миры, лишь бы оградить меня от боли.

Но как принять эту вековую, вечную любовь, если человеческое эго ежедневно кормит себя сомнениями? Как заставить Силу подчиниться, если любая импульсивная попытка спасения рикошетит и калечит того, кто стал твоим щитом?

Эта книга — начало моей главной битвы. Маршрут, который я обязана пройти до самого конца. Битва не за сиюминутный результат, а за тотальное принятие потенциала. Чтобы вспомнить, кем мы являемся в вечности, выровнять Сапфировые Линии Вселенной и наконец-то безжалостно разорвать эту петлю.

Дыши. Обучение начинается прямо сейчас.

Глава 1. Воспоминания

«Волны Леты смывают имена и даты, стирают лица и города из памяти. Но они бессильны против зова родной крови и того первородного Света, что зажётся в нас задолго до сотворения этой плотной Земли».

(Платон. «Федр»)

Год 1282

Меня звали Эмина. На иврите это значит «вера», но тогда я была собой лишь наполовину. Наша деревня ютилась на самой границе старого леса и солёных болот. Здесь дома мерили по кругу печей, а крепость веры — по тому, сколько душ успеет вздохнуть, пока гаснут поминальные свечи. Каждый человек тут был на счету, и именно поэтому мы так отчаянно цеплялись за хрупкий, ускользающий мир.

Имя мне дали ради того, чтобы вера никогда не покидала очаг. Родная земля пахла не плодородием, а прошлым: костями сгинувших в топях караванов и тем, что бушующее море утащило на дно без объяснений. Мы оставались последними, кто ещё верил в Сапфировую Линию — сплетение тонких магических нитей, на которых, как на жилах, держался весь каркас мироздания. В те далёкие времена люди были частью чего-то большего, они дышали в унисон с

чистой энергией Вселенной.

Но видеть эти нити дано далеко не каждому. Все знали: если Линия порвётся, придёт непоправимая беда. Болезни накроют поселение чёрной волной, дети перестанут узнавать родителей, а по ночам у порогов зазвучат шаги тех, у кого давно нет души. Дрогнувшая Линия означала одно: первородная тьма подобралась совсем близко.

В ту суровую зиму объявили, что одна из нитей истончилась и затрепетала. Такое случилось, когда равновесие качалось в сторону мрака, когда людские души поддавались тёмным, низменным порывам. Тех, кто оставался верен внутреннему свету и отчаянно пытался выровнять чаши весов, в тот год критически не хватило. Равновесие рухнуло. С самого сотворения человека подобные сбои неизменно оборачивались катастрофами.

В тот раз всё началось с каприза природы: вода в колодцах сделалась горькой. Затем на окраине сожгли подброшенный знак, наивно пытаясь откреститься от беды, но это не помогло. Мрак наступал, расширялся, жадно подпитываясь общим отчаянием. Он всегда так делает. А вскоре заболела Мара — младшая сестра, самая упрямая и смешная. На её коже проступили сине-зелёные пятна, а взгляд сделался пустым — будто после сокрушительного удара, которого никто не видел.

В семье все были сильными. Родные знали и могли куда

больше меня. Я же не унаследовала великого дара и не умела варить целебные снадобья, чтобы облегчить страдания сестры. Мой талант был иным: я умела слушать, когда остальные говорили.

В юности нас учили простым, незыблемым вещам: как защищать окна от дурного колдовства, как просить у судьбы удачи, не оскорбляя её гордыню, и как никогда не брать чужого, даже если оно лежит под ногами. Но Мара угасала, не вставая с постели, и тогда я впервые подумала, что былые запреты — роскошь, которую мы больше не можем себе позволить.

Артефакт я отыскала далеко не сразу. Он не лежал на виду, подобно сказочным сокровищам. Его надёжно спрятали те, кто боялся этой мощи сильнее смерти. Сапфировая Печать хранилась в заброшенной часовне Старого Храма: туда уже несколько поколений никто не заглядывал. Она не была просто вещью. Печать служила каркасом, сдерживающим колоссальную энергию, способную отражать любые заклятия. Но главное, она таила в себе знание: если настроить её правильно, можно исцелять живое чистым резонансом Сапфировых Линий, возвращая телу жизнь, а миру — покой.

Старики поговаривали, что Печать сама выбирает носителя. На глубоком, интуитивном уровне я чувствовала: эта древняя реликвия, которой насчитывались тысячи лет, явилась в мир специально ради меня. Но как бы ни разнились легенды, суть оставалась неизменной: энергией нужно уметь

управлять. Требовались точные жесты, верный голос и выверенное дыхание, иначе магия становилась глухой и непослушной. А такое пламя всегда бьёт по тому, кто дерзнул его пробудить.

У меня не было знаний. Было лишь слепое отчаяние. И всепоглощающее желание спасти сестру.

Когда ночью мрак подступил к самым дверям, мы собрались в доме старейшего знахаря. Он оставался последним, кто помнил древние обряды, которые теперь оказались под строгим запретом. Люди вокруг постепенно забывали, кем они были на самом деле и что именно их окружает. Чужие догмы шли из далёких земель вместе с новой, навязанной верой, утверждавшей, будто человек — всего лишь раб Божий. Но в нашей глухой деревне ещё теплились хрупкие крупички первородного знания.

Целитель смотрел на сестру так, словно отчаянно пытался разглядеть в её груди тайник с ответами.

— Линия слабеет, — произнёс он наконец. — Нужен Ключ. — А затем добавил почти шёпотом: — Если Ключ — это Печать, значит... придётся взять на себя то, что не дано без обучения.

Вторую фразу я осознала далеко не сразу, но запомнила прочно и навсегда. Не дано. Не справишься. Не сейчас.

Справляться и правда было нечем. В каждом деревенском доме теперь гасла поминальная свеча. Соседи приходили во

двор и просили меня не плакать, будто слёзы могли оказаться неуместными. Мара изменилась до неузнаваемости. Она перестала отзываться на собственное имя и лишь изредка сжимала мои пальцы. Сжимала так крепко, словно отчаянно пыталась удержать то, что стремительно уходило из этого материального мира. Она боролась, я видела это. И именно поэтому не могла просто бездействовать и покорно ждать, пока её жизнь окончательно угаснет.

Вместо того чтобы следовать наставлениям старших, я развернулась и отправилась туда, где бывшие запреты навечно застыли в холодном камне.

Часовня встретила меня слишком плотной, тяжёлой тишиной. Свет факела будто боялся ступить на каменный пол: пламя испуганно колыхалось, но никак не разгоралось, не способное рассеять вековой мрак. Воздух пах сыростью, плесенью и чем-то ещё — так пахнет в глухих подвалах, где запечатали первородный страх. На стене висела ржавая цепь с глухим колоколом без языка, а рядом виднелся след — стёртый, но вполне узнаваемый. Кто-то совсем недавно тоже отчаянно пытался сбить замок, но потерпел неудачу. Во мне робко проснулась надежда.

Я спустилась в полутёмную нишу под алтарём. Там, словно в самом сердце древнего святилища, покоилась Сапфировая Печать. Она не сверкала сказочным блеском. Она была леденящей — ровно настолько, насколько холодны сакральные вещи, изначально не предназначенные для живых чело-

веческих рук. Стоило мне кончиками пальцев коснуться её грани, как в голове отчётливо щёлкнуло, будто провернулся невидимый Ключ.

Перед глазами ослепительным всплеском проступили Линии мира — те самые, что прежде являлись мне лишь в зыбких, ускользающих снах. Они тянулись сложнейшими сияющими сплетениями, и Печать, как центральный узел в этой многомерной ткани, властно стягивала их к себе, требуя немедленной настройки. Не прося о пощаде, а именно приказывая.

«Я смогу, — отчаянно подумала я. — Научусь прямо сейчас, на ходу. Только бы Мара жила...»

Я решительно подняла Печать. В тот же миг Старый Храм содрогнулся до самого основания. Сначала глухо, точно от внезапного порывы бури, а затем — как от прямого тектонического удара. Из потаённых углов мгновенно взвилась тень — неживая, серая, полностью лишённая разума. В деревне поговаривали, что артефакт жестоко карает воров. Его колоссальная мощь обязана быть созвучной внутренней силе и частоте вибраций того, кто дерзнёт его поднять. Печать нельзя просто похитить и использовать напролом, предварительно не соткав с ней неразрывную ментальную связь. Она сама выбирала носителя.

И я до последнего вздоха надеялась, что выбор пал на меня. Ведь нас уже связывала общая, разрывающая грудь боль, которая не оставляла места для иного исхода.

Когда я выносила Печать на свет, донёсся далёкий треск — словно где-то в вышине окончательно разорвалась Сапфировая Линия. В тот же миг в груди сделалось невыносимо тесно. Артефакт не просто ждал настройки, он мгновенно отозвался на внутреннюю суть. Но внутри тогда царило одно лишь слепое отчаяние. Я несла Ключ так, как несут хрупкую свечу в яростную бурю — бережно, но совершенно не умея защитить слабое пламя.

Дома я действовала быстро и резко, будто безумная спешка могла искупить полное отсутствие навыка. Опустив Печать рядом с Марой, я плотно прижала ладонь к её прохладной поверхности. Внутри тут же мощно взметнулся поток. Этот свет не был тёплым — он казался настойчивым, бурным, неукротимым. Я физически не могла его контролировать. Древняя энергия хлынула к сестре, отчаянно пытаясь исправить её измученное тело.

И всё же — они не соединились.

Истинная связь так и не возникла. Не потому, что Печать была капризной, а потому, что я совершенно не понимала её природы. Я пыталась заставить первородную магию подчиниться силе эгоистичного желания. Но слепой порыв — это не выверенная настройка. Моё отчаяние было слишком велико, я жаждала одного: любой ценой спасти Мару. Однако желание — это голод, а Сила Печати требовала математической точности.

Поток вошёл в тело сестры, но устремился совсем не по

тем каналам. Сначала случилось почти чудо: зловещие сине-зелёные пятна на коже потускнели, а прерывистое дыхание выравнилось. Знахарь, прибежавший слишком поздно, с облегчением выдохнул:

— Есть отклик...

Он шагнул было вперёд, намереваясь помочь, но я остановила его резким, предупреждающим взглядом. Я отчаянно пыталась повторить жесты, которые смутно помнила из старых преданий. Но чужих рассказов было слишком мало, и воображение заполняло логические пробелы наугад. Я бездумно усилила импульс, громче и неистовее зашептав:

— Исцелись... Пожалуйста, исцелись!

Печать отозвалась яростным, сокрушительным всплеском — пламя свечей на стенах испуганно дрогнуло и прижалось к фитилям. Мара содрогнулась всем телом. Свет не принёс долгожданного исцеления; он диким, неуправляемым потоком хлынул в пространство вокруг, и я оказалась бессильна его удержать.

В комнате воцарилась оглушительная, мёртвая тишина. Не такая, какая бывает перед грозой. Это была звенящая пустота после страшного, сокрушительного удара, когда разум отчаянно пытается понять, что именно сейчас сломалось в самом каркасе мира.

Мара открыла глаза лишь на одно короткое мгновение. В её тускнеющем взгляде не было страха — только безграничная, вековая усталость. Словно она наконец осознала то,

что я сама так панически боялась признать: спасение, начатое без должных знаний, неизбежно станет ловушкой для нас обеих.

Она прошептала моё имя, но продолжить уже не смогла. Её измученное тело резко выгнулось, будто чужеродная, взбесившаяся сила пыталась прорвать ткань реальности, но натолкнулась на глухое сопротивление. Знахарь испуганно вскрикнул, бросился вперёд, намереваясь силой разорвать этот ментальный контакт, но было уже слишком поздно. Сапфировая Печать не отпускала добычу легко. Она удерживала безумный, слепой импульс так же цепко, как сжатые ладони держат воду — пока та не вытечет сквозь пальцы до самой последней капли.

Я физически почувствовала, как во мне пробуждается Проклятие. Оно явилось вовсе не в качестве внешней кары Совета, а как неизгладимый, кровоточащий след внутри подсознания. Проклятое наследие — так позже назовут этот неотвратимый, жестокий закон. Оскверняющая сила копится не снаружи, а глубоко в чертогах души. С каждым новым неверным прикосновением к Линиям она оставляет уродливый отпечаток: укореняется парализующим страхом, путает внутренние маршруты энергии и рождает слепую, эгоистичную привычку требовать от мироздания невозможного.

В тот же день мрак неохотно отступил от нашей деревни. Но не потому, что Мара исцелилась. Она просто не успела окончательно разорвать Сапфировую Линию. Брешь в миро-

здании временно затянулась, и первородная Тьма ушла дальше, туда, где её никто не ждал. Мы же остались наедине с тем, что невозможно исправить одним лишь отчаянным жестом, — с неподъёмной, сокрушительной утратой, в которой уродливо смешались выжигающая вина и призрачная надежда.

Я сидела одна в пустой комнате. Сжимая в ладонях ледяной артефакт, я верила, что сапфир слышит лихорадочный, прерывистый стук сердца. Тогда я ещё не знала, что эхо прошлых жизней настигает меня вновь вовсе не ради жестокого наказания. Оно ищет повторения лишь для того, чтобы израненная душа наконец-то отыскала единственно верное решение. Но внутри крепла странная, упрямая уверенность: я обязана всё исправить. Иначе выжигающая вина попросту уничтожит меня.

За бревенчатыми стенами плакали люди. Кто-то истошно молился новому Богу, кто-то проклинал меня вполголоса — шёпот в глуши всегда считался безопаснее открытого крика. А я отчётливо понимала: отчаянное желание спасти младшую сестру ни на миг не оправдывало страшного преступления против всего поселения.

В ту ночь мне впервые приснилась Сапфировая Линия. Она виделась тончайшей прозрачной струной, готовой с сухим треском лопнуть от любого грубого, неосторожного рывка. Рядом в пустоте застыли две призрачные фигуры: одна — угасающая, бледная сестра, вторая — безликий Про-

водник, чьи черты безжалостно ускользали из памяти, как бы я ни старалась их удержать. Наставник не произносил слов. Он безмолвно, ментально показывал: прежде чем пробуждать колоссальную Силу, нужно настроить собственный дух. Сначала — границы контроля. Затем — резонанс. И только в самом конце — эффект.

Проснувшись на рассвете, я окончательно осознала: Печать теперь живёт во мне. Не физически, хоть ладонь до сих пор отчётливо помнила леденящий холод, а в виде незримого, вечного клейма. Сила властно требовала ответа, словно ждала, когда я наконец пробужусь сама и пробужу её так, как должно.

Я честно пыталась вернуть артефакт, отдать его Храму и навек спрятать в глубоком подземелье. Но заброшенная часовня больше не принимала меня, её двери словно закрылись навсегда. Древний камень не удерживал ментальную память Печати, ведь её суть полностью перетекла в мою кровь. Дорога назад вела в никуда, и в каждом шорохе за спиной отныне чудился безжалостный, роковой толчок к действию.

Проклятое наследие начало неумолимо подчинять разум, упрямо толкая к прежней ошибке — к жажде получить всё быстро, здесь и немедленно. И всякий раз, когда я бездумно поддавалась этому искушению и пыталась вновь воззвать к Сапфировой Печати, магия сокрушительным рикошетом швыряла меня обратно в удушливый коридор отчаяния. Неокрепшее, хрупкое человеческое тело попросту не

выдержало столь колоссальной космической мощи. Физическая оболочка разорвалась и растворилась в воздухе, не оставив после себя даже горстки праха.

Той зимой я умерла...

Глава 2. Исчезающий силуэт

Март 2026

Я едва открыла глаза: веки опухли от пролитых накануне слёз. Абсолютно не понимая в первые секунды после пробуждения, где нахожусь, я мучительно искала в себе хоть каплю сил, просто чтобы заставить себя прожить этот день. Яркое утреннее солнце безжалостно слепило сквозь оконное стекло, но вставать категорически не хотелось. За дверью мама уже громко гремела кастрюлями. Она всегда поднималась раньше всех и не терпела чужой лени. В доме долгий сон приравнивался к тяжкому преступлению. Я нехотя поднялась, оделась и пошла умываться.

Выдался холодный, сырой весенний день, хотя, слава богу, обошлось без дождя. Шагая по потрескавшемуся двору, я мельком взглянула на небо и замерла: тяжёлые серые тучи сложились в странные ломаные узоры. Я постоянно видела в них нечто большее, чем обычный конденсат.

Воображение вечно играло со мной злые, пугающие шутки. Я никак не могла понять: реальность это или начальная степень шизофрении? Всё чаще в этих очертаниях являлись одни и те же жуткие образы. Они походили на искажённые лица чужеродных существ или на чьи-то измученные души, застрявшие не в том измерении. Эти призрачные лики пре-

следовали меня повсюду. Стоило им отчётливо проступить на небосводе, как я твёрдо знала: скоро случится беда. Это было тайное предупреждение о неизбежном событии, которое я не в силах предотвратить, но к которому обязана подготавиться.

Вот только я росла в мире, где магии официально не существовало, а любое упоминание о подобном бреде приравнивалось к сумасшествию. Если вокруг происходило нечто экстраординарное, люди слепо отмахивались: «совпадение», «нервы», «чистая случайность». И всё же порой случались вещи, которые категорически не укладывались в голове и не поддавались рациональному объяснению. Словно невидимые нити мира внезапно просвечивали сквозь обычные предметы — не всегда, не слишком ярко, но вполне достаточно для того, чтобы я осознала: со мной действительно что-то не так. Глубоко внутри зрело смутное, пугающее чувство — проклятое наследие чего-то древнего, от чего невозможно отмахнуться или сделать вид, будто его нет. Хотя я честно и упрямо пыталась.

Однажды я почувствовала и увидела чуть больше обычного. И до смерти испугалась. Тогда я заставила себя мысленно закричать, что больше не желаю ничего этого знать, слышать и ощущать. И оно послушно отступило. «Я обычный человек, живущий самую простую жизнь», — упрямо внушала я себе каждое утро. Кто в здравом уме мечтает быть заурядным? Я. Для меня это означало предсказуемость. Спокойное

течение дней со своими понятными, безопасными поворотами, а не безумные американские горки, на которых я без конца каталась с самого детства.

Мы ведь все отчаянно ищем чужого одобрения. Жаждем внимания, даже если внешне пытаемся показать обратное. Но зачем нам это? Неужели нельзя просто жить и принимать себя целиком, во всех аспектах? Нет. Мы вечно стремимся казаться лучше, чем являемся на самом деле. Нам жизненно необходимо подтверждение собственной значимости со стороны общества, друзей, коллег, любимых и даже случайных прохожих.

Маски. У каждого из нас их тысячи, и каждая надевается в свой, идеально подобранный момент. Есть ли они у меня? Конечно. Ведь я ещё ребёнком поняла: без них никуда, если хочешь вырасти более-менее нормальным человеком.

Нормальным... Для нормального общества, которое готово заживо загрызть любого, кто хоть немного оступится. Это осознаёшь ещё со школы, а то и с детского сада. Помню, как моя маленькая подружка раструбила всем, что я описалась от страха в кроватке после очередного кошмара. Меня отчитывали с такой суровостью, словно я совершила самое жуткое преступление в истории.

Потом воспитатели брезгливо возвращали родителям грязное бельё, чтобы на следующий день оно вернулось чистым и больше не доставляло хлопот. В такие моменты тебя ломают, насильно заставляя делать то, что ты отчаянно не

хочешь, и капля за каплей истощают маленькую, доверчивую душу.

В тебе видят не ребёнка — в тебе видят проблему. Обузу, от которой не могут избавиться из-за жёстких рамок всё того же общества, но и заботиться о которой никто не желает. Они просто вынуждены.

Нянечки — потому что это их неблагоприятная работа. Многие из них искренне ненавидят её, ведь они и сами когда-то не оправдали родительских ожиданий, так и не сумев стать кем-то большим, чем человек, выносящий чужие горшки и следящий за выполнением дурацких правил.

Родители — у которых ты появилась абсолютно случайно, просто потому, что они сами оказались слишком молоды и инфантильны, чтобы вовремя задуматься о будущем.

Бабушки и дедушки — которые отчаянно пытаются исправить ошибки собственных детей; у них это тоже выходит далеко не всегда гладко, но они хотя бы искренне стараются, потому что в своё время уже побывали на их месте. И так из поколения в поколение. По кругу.

Ты слишком рано учишься выживать в предложенных декорациях и слишком рано узнаёшь, что такое настоящее, всепоглощающее одиночество. Потом вырастешь, пытаешься отыскать хоть крошечную крупицу любви извне, но до самого конца не веришь в чужие, пускай и самые искренние слова. Ведь глубоко внутри сидит проклятый червь, методично сжирающий тебя по кусочку каждый день. Этот мен-

тальный яд медленно убивает изнутри. Как излечиться от него? Где отыскать спасительное противоядие?

И всё же, что бы ни происходило, я всегда умела искренне радоваться мелочам и замечать прекрасное даже в самых простых вещах. Пока я жива и дышу, способна что-то изменить. С самого детства я верила, что каждое новое мгновение — это шанс начать всё заново. Но одновременно с этим на физическом уровне ощущала острую нехватку жизненно важной, колоссальной части самой себя. Той половины, что осталась где-то невообразимо далеко или запрятана слишком глубоко в чертогах подсознания. И с каждым прожитым днём эта звенящая пустота внутри заявляла о себе всё громче.

Я училась на последнем курсе филологического факультета. Денег в семье особо не водилось, поэтому отправить меня на учёбу в другой город родители физически не могли, да, если быть до конца честной, никогда и не планировали. Но во мне всегда жило упрямое, яростное желание создать нечто такое, что оставит после себя осязаемый, весомый след. Мне хотелось достучаться до чужих умов и сердец, научиться слышать сокровенное и проявлять его в мир. Сама я при этом оставалась личностью предельно закрытой. Выходить на свет так и не научилась — лишь в совершенстве освоила искусство прятаться сначала во внутренний защитный панцирь, а затем и во внешний.

С раннего детства я читала. Много. Разум, сила мысли и

печатного слова значили для меня куда больше, чем для любого из знакомых. Поступая на филологический, я руководствовалась только одним: желанием изучать литературу. Зачем? Мечтала когда-нибудь работать в издательстве, а может, и сама со временем написать книгу.

Первые курсы пронеслись как в тумане. И дело было вовсе не в тяжёлой учёбе, а в болезненных отношениях, вечных конфликтах с родителями и в глухом внутреннем сопротивлении любому движению вперёд. Меня буквально разрывало на части, и казалось, что выхода из этого тупика не существует.

Я отчаянно спасалась книгами: Достоевский, Толстой, Харди, Бронте, Мильтон — глотала тома один за другим, словно пыталась отыскать на страницах зашифрованный, жизненно важный ответ. Я искала его всё неистовее, пока окончательно не утонула в чужих мыслях, напрочь забыв о собственных. Я погружалась в вымышленные вселенные так глубоко, будто сама становилась их неотъемлемой частью, лишь бы не сталкиваться лицом к лицу с реальностью.

Юность проходила в эпоху тотальной турбулентности — как в личных отношениях, так и в масштабах всей планеты. Каждый год приносил новые потрясения, и всякий раз я наивно верила, что этот кошмар вот-вот закончится и начнётся долгая, светлая полоса.

Но мир бил наповал: затяжные финансовые кризисы, пандемия, войны на Ближнем Востоке, бесконечные протесты и

тонны новостей, о которых не хотелось даже думать. На улицах пугающе часто завывали пронзительные сирены. Если первое время этот звук заставлял сердце замирать от ужаса, то позже все привыкли. Никто уже не двигался с места, чтобы бежать в укрытие или судорожно искать безопасный угол. Мы просто учились выживать в пространстве, которое менялось ежеминутно. А я трусливо бежала. К любимым персонажам и их проблемам. Их мир был понятен, в нём я чётко знала, как существовать, — в повседневности оказывалось слишком сложно.

И всё же, вопреки беспросветности, я отчаянно любила жизнь. Любила каждую крупину во всём хаотичном великолепии: величественные горы, бескрайние моря, деревья и людей. Не всех, конечно, но человечество в целом. Почему-то я всегда, наперекор логике, продолжала верить в них. В их истинную, первородную суть. В то, кем они являлись на самом деле, сорвав навязанные маски.

Я стояла на остановке в ожидании автобуса, как вдруг меня накрыло странное состояние: время вокруг будто замерло, а сознание слилось воедино со Вселенной. В этот миг я ощутила мир физически — его мерное дыхание, его пульс, его скрытую первородную живость. Пришло кристальное понимание, что я — часть чего-то неизмеримо большего, чем просто обыденное существование в случайном месте и времени, которое суждено прожить бесследно. Нет! Я никогда

не была с этим согласна. По ночам, глядя на далёкие звёзды во дворе с котом на руках, я твёрдо знала: часть меня и часть этого бескрайнего Космоса всегда будут вести вперёд, к чему-то новому и необъяснимо прекрасному.

Иногда я невольно переключалась, начинала играть в социальную монополию под названием «Жизнь» и в повседневной суете напрочь забывала о подлинных чувствах. Но подобные вспышки случались всё чаще. Это были редкие моменты воссоединения со своей истинной сутью. С той самой прозрачной нитью, которая так часто ускользала от внимания.

У меня есть любимый брат, которого я обожала, друг и лучшие подруги, но я физически не могла рассказать им об этом. Не могла, потому что сама до конца не понимала, что именно со мной происходит. Каждый раз казалось, будто я просто схожу с ума или становлюсь жертвой чересчур живого воображения. Слово сотни прочитанных книг переплелись в разуме в нечитаемый узор, и я окончательно запуталась, где заканчивается вымысел и начинается объективная реальность.

Я ловила это зыбкое ощущение связи с чем-то высшим, дорога вокруг оставалась на удивление пустынной. Я повернула голову направо и заметила незнакомца. Из-за странной внешности я не могла с ходу определить возраст — то ли молодой парень, то ли взрослый мужчина, — и совершенно не понимала, откуда он здесь взялся.

Я принялась изучать его. Он слишком сильно выбивался из общего серого пейзажа: чёрная рубашка, джинсы, тяжёлые армейские ботинки. Брюнет с лёгкой аккуратной щетиной, которая ему невероятно шла. Незнакомец казался настолько чужеродным элементом в этой уличной декорации, словно клоун в полном гриме внезапно сбежал из цирка и встал у проезжей части.

Старые фонари мерцали через раз, будто электричество колебалось в невидимом волновом резонансе. Мужчина задрал голову к небу и громко подсказывал кому-то, как починить старую радиоантенну на крыше студенческого общежития.

Он объяснял рабочему:

— Линия связи любит стабильность! Не нужно её так часто беспокоить. Её нужно просто правильно соединить с источником.

Я невольно усмехнулась: надо же, прозвучало так, будто он адресовал эти слова лично мне.

«Нужно просто соединить с источником».

В то же мгновение незнакомец резко повернулся и посмотрел мне прямо в глаза — так, словно отчётливо услышал мысли и поймал эту мимолётную внутреннюю усмешку. Я испуганно отвела взгляд, не желая привлекать лишнего внимания. Вся сцена казалась нелепой ошибкой режиссёра, де-

талью, которая категорически не подходила остальному миру. Кусочек пазла, случайно вывалившийся из совершенно другой коробки и теперь тщетно пытающийся вписаться не в свою картину. И самое пугающее, что любой прохожий сразу бы понял: этот человек здесь чужой.

Мимо с оглушительным шумом пронеслись два автомобиля. Отвлёкшись всего на секунду, я вновь посмотрела в сторону обочины, где только что стоял брюнет. Там уже никого не было. Первая мысль — этого просто не может быть. Вторая — он просто ушёл, а я, погружённая в рассуждения, банально этого не заметила. С детства я росла рассеянной, и это служило весомой причиной, почему я никогда до конца не доверяла глазам, слуху и чувствам. Но существовала и третья, пугающая догадка: всё происходящее нереально. Сознание и душа без конца играли друг с другом в прятки, отчаянно пытаясь доказать собственную правоту. Чувства кричали об одном, а разум хладнокровно рационализировал всё вокруг, убеждая, что любому чуду непременно найдётся логичное земное объяснение.

Я родилась в те годы, когда время для появления детей на свет было, мягко говоря, неподходящим. Но родители почему-то решили, что этот период идеален. Я весила три с половиной килограмма, пришла в мир с тёмно-карими, почти чёрными глазами, тёмно-русыми волосами и, судя по всему, непростым характером. Если верить рассказам мамы, я истошно орала первые сорок дней напролёт, наотрез отказы-

ваясь от грудного молока, так что ей пришлось приложить немало усилий, чтобы отыскать специальную смесь.

Меня называли Амелией. Довольно странное имя для того времени, нашей страны и национальности. Мама дала его наперекор всему, категорически отказавшись называть меня в честь бабушек или других родственников. Я стала вторым ребёнком в семье. Старший брат Давид был на семь лет старше, и, возможно, именно из-за этой весомой разницы в возрасте у нас впоследствии сложились великолепные, доверительные отношения. Я навсегда осталась его маленькой сестрёнкой. Мы вместе испуганно прятались по углам, когда мама в очередной раз сильно выпивала и в ярости громила всё в доме.

Отец ушёл от нас давно. Мы росли, предоставленные сами себе, и я искренне, яростно его ненавидела. Не за сам факт развода, а за то, что он трусливо бросил нас с братом выживать в этом адском кругу под гордым названием «Жизнь».

С восьми лет я всю стояла у плиты и во всём помогала бабушке. Бабушки не стало задолго до моего рождения, так что мы выживали как могли, пытаюсь самостоятельно справиться со всем, что нам досталось. Каждый раз, когда пьяные крики на кухне затягивались дольше чем на полчаса, мозг попросту отключался, милосердно стирая из памяти травмирующие события. Из-за этого психологического блока я до сих пор не помню целые куски детства. Но Давид помнил всё. Он рос с единственным, всепоглощающим желанием:

стать кем-то по-настоящему значимым и навсегда вырваться из петли, которая мёртвой хваткой держала нас обоих. Эта удавка затягивалась на шее всё сильнее с каждым прожитым годом, парадоксальным образом напоминая: мы всё ещё здесь.

И именно эта простая фраза — «Мы живые» — каждый раз давала мне силы упрямо двигаться дальше.

В восемнадцать лет Давид ушёл в армию: «отмазывать» его у родителей не было ни денег, ни малейшего желания. Лишняя обуза семье оказалась попросту не нужна. После этого мы не виделись целых два года. На службе брат проявил себя с лучшей стороны и в итоге решил накрепко связать судьбу с военным делом. Я безгранично им гордилась. Для меня он всегда оставался истинным воплощением мужского благородства и тем единственным человеком, который без лишних слов примчится на помощь в самую трудную минуту.

Но как бы мы ни были близки, я не могла доверить ему тайну странных, пугающих видений. Они продолжали преследовать меня повсюду, начисто лишая возможности понять, где здесь правда, а где плод больного воображения. Ведь это реальная земная жизнь, а в ней признаётся лишь рациональная, осязаемая суть бытия: работа, дом, семья, заботы и предсказуемый круговорот одних и тех же событий из года в год.

Тяжёлые воспоминания неохотно отпустили, лишь когда

к остановке с глухим шипением подошёл автобус. Я быстро зашла в салон и заняла место у окна. По пути в университет то и дело возвращалась мыслями к незнакомцу у обочины. Неужели всё-таки показалось? Или странный брюнет существовал на самом деле? Меня не покидало гнетущее чувство дежавю, будто я уже видела этого человека раньше — в какой-то совсем другой, недоступной жизни. Подобные вспышки ложной памяти случались десятками каждый год. Порой я смертельно, до изнеможения уставала от ощущения, что слепо проживаю чужой момент, который со мной уже когда-то происходил.

Внезапный оглушительный удар стального тарана мгновенно оборвал мысли. Раздался скрежет разрываемого металла и крики пассажиров. Меня с силой швырнуло вперёд, и я жёстко ударилась головой о боковое стекло. Мгновение ослепляющей боли — и мир вокруг поглотила крошечная, звенящая Тьма.

Я пришла в себя всего на пару секунд. Сознание возвращалось урывками. Прямо надо мной склонился тот самый незнакомец с остановки, но его лицо виделось сквозь плывущую пелену размыто, нечётко. Судя по пронзительному, удушающему вою сирены и быстрому мельканию белых стен, меня на скорости везли в машине скорой помощи. В боку нестерпимо кололо, словно туда вогнали нож, а голова буквально разрывалась на части от чудовищного давления. Прежде чем я успела издать хотя бы слабый стон, сознание

снова милосердно отключилось, утянув меня на самое дно.

Глава 3. Лео.

Возвращение из небытия

Я сидел в пустом, залитом мертвенным больничным светом коридоре, но совершенно не замечал окружающих стен. Ладони всё ещё помнили обжигающий, фантомный холод Сапфировой Печати, а на языке до сих пор оседал едкий запах гари от искорёженного автобуса, из которого я только что вытащил её тело.

Триста лет. Триста долгих, невыносимых земных лет я бесцельно бродил по этой плотной планете в поисках её очередной реинкарнации. В каждом цикле я сначала по крупинцам возвращаю из небытия себя, а затем отправляюсь на поиски её души. И каково же это — помнить её великим, бесстрашным Наставником, способным подчинять саму ткань реальности, а находить испуганной, растерянной девушкой? Она смотрит на меня стеклянным взглядом и отчаянно прячется за маской холодного безразличия.

Я оставался для неё чужаком каждый чёртов раз. Час назад, когда я нёс её на руках в приёмный покой, Амели на мгновение пришла в себя. В её глазах не было ни капли узнавания — только первобытный страх перед неизвестным парнем, нарушившим границы. Земной мир ломал её, капля за каплей выпивал первородный Свет, а я мог лишь издалека

посылать мысленные импульсы поддержки, молясь, чтобы в этом воплощении она продержалась хотя бы немного дольше.

По коридору раздались быстрые, уверенные шаги. Я вскинул голову и увидел высокого, кареглазого парня с широкими тёмными бровями. Максим. Её друг детства, который, судя по взволнованному лицу, втайне надеялся на то, чему никогда не суждено сбыться. Внутри лавиной поднялось чистое, эгоистичное раздражение. Этот смертный находился рядом с ней все эти годы. Он знал, какой кофе она пьёт, под какие книги засыпает, пока я разрывался от одиночества на другом конце планеты.

Но я заставил себя остаться в тени. Едва Макс подбежал к дверям палаты, я бесшумно поднялся со скамьи и направился к выходу. Моё присутствие рядом с Амели действовало на Ключ как мощнейший катализатор, а её тело сейчас слишком истощено. Ей нужно было просто отдохнуть.

Я вышел на улицу, жадно вдыхая прохладный ночной воздух, и резко замер. Пространство вокруг на секунду уплотнилось, став леденящим.

Заир. Ищейка Старейшин уже здесь, в этом городе. Я отчётливо улавливал его скользкие тёмные нити, которыми он постепенно опутывал плотную реальность. Иногда даже я оказывался бессилен, если он находил её первым. Этот серый исполнитель Высшего Замысла пойдёт на всё, чтобы вернуть Сапфировую Печать, и в его распоряжении — вся

вечность.

Я обязан защитить её, даже если для этого придётся разбить её хрупкую земную жизнь вдребезги. И если сам окажусь тем, кто невольно вызовет гибельный резонанс Ключа, — мне плевать, я разорвусь в космической пустоте вместе с ней.

Глава 4. Адский круг под названием «Жизнь»

Не знаю, сколько прошло времени, но глаза я открыла уже в палате. Сквозь мутную, плывущую пелену различила у самого окна силуэт человека с остановки. Сильная, разрывающая головная боль и навязчивый звон в ушах не позволили быстро сориентироваться. Страх не возникло, но теперь незнакомец казался вестником грядущей опасности — в точности как призрачные лица из недавних видений.

Я попыталась слегка приподняться, но рёбра тут же пронзила резкая, ослепляющая боль. Осторожно нащупав пальцами плотную повязку, я поняла, что врачи уже сделали все необходимые манипуляции. Я снова вскинула голову, надеясь рассмотреть загадочного ночного гостя, но, зажмурившись и протерев глаза, обнаружила, что в помещении никого нет.

«Да уж, знатно я приложились, — горько подумала я, обречённо откидываясь на подушку. — Опять игры разума. И этот проклятый звон в ушах никак не прекращается».

Через пару минут дверь тихо скрипнула, и в палату вошёл дежурный врач.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спросил он, профессиональным движением поправляя капельницу.

— Сильно раскалывается голова, шумит в ушах... И, кажется, у меня начался бред, — призналась я хриплым голосом. — Только что видела здесь мужчину в тёмном, но он испарился. Видно, я ударилась слишком сильно.

Врач негромко усмехнулся и сочувственно покачал головой:

— Это не бред, Амелия. К вам действительно заходил молодой человек. Собственно, он не отходил от постели с того самого момента, как скорая доставила вас в приёмный покой. Ваш автобус на полной скорости столкнулся с грузовиком. Пострадавших много. Пятеро погибли на месте... Он ехал с вами в машине, помог всё оформить и лично связался с вашей семьёй.

— Кто-то погиб?.. — сердце испуганно пропустило удар, внутри всё похолодело.

— Да, — доктор мгновенно помрачнел и опустил глаза. — Трагедия страшная. Вам сильно повезло.

— А вы... вы узнали, как его зовут?

— Нет, в суматохе нам было абсолютно не до имён. Главное, что он сразу назвал ваше имя, помог отыскать контакты близких и лично вытащил вас из искорёженного салона до приезда спасателей.

— Он... сам вытаскивал меня? — поражённая этой новостью, я едва обрела дар речи.

— Да. Парень оказался невероятно, просто феноменально сильным. Без его вмешательства спасателям потребова-

лось бы гораздо больше времени, а ведь экстренная помощь в ту минуту нужна была десяткам пострадавших. Мы давно с подобным хаосом не сталкивались. Вас намертво зажало между сломанными креслами и другими пассажирами. Но, к счастью, вы отделались лишь лёгким сотрясением мозга, трещинами в двух рёбрах и десятком глубоких ссадин. Ничего опасного для жизни.

— Но как? Как я уцелела, если сидела у самого окна?

— Если честно, в этой неразберихе мы просто радовались каждому выжившему и не задавались вопросами. Но, учитывая характер повреждений автобуса, то, что вы уцелели, — настоящее чудо. Всё, Амелия, вам нужно набираться сил. Поспите. Я зайду завтра утром, а через пару дней подготовим документы на выписку.

— Спасибо, — едва слышно прошептала я. Сил держать глаза открытыми больше не осталось, и я снова послушно провалилась в спасительную темноту.

Во сне я вновь видела этого мужчину. А вместе с ним — те самые призрачные лица, от которых так отчаянно пыталась отречься накануне, но они всё равно нашли меня в чертогах подсознания. Сущности по-прежнему безмолвно предостерегали о чём-то зловещем, и избежать грядущей встречи, кажется, было абсолютно невозможно. Из-за непрекращающейся боли во всём теле я не могла уснуть без сильных лекарств. Все мысли целиком поглотил незнакомец с остановки. Кто он? Этот вопрос бесконечно крутился в голове,

не находя логического ответа. Единственное, в чём я не сомневалась, — его присутствие казалось знакомым. Это было фантомное, глубокое и незыблемое ощущение.

На следующий день в палату шумно набилась вся семья: пришли мама, бабушка и даже приехал со службы взволнованный Давид.

— Хей, ты у нас даже на обычном автобусе спокойно ездить не умеешь? — с порога крикнул брат, широко и облегчённо улыбаясь.

— Ну конечно, ты же прекрасно знаешь, какая я «везучая»! — я попыталась улыбнуться в ответ. — Всего-то два ребра и сотрясение. Могло быть хуже.

— Обожаю твой неиссякаемый оптимизм, мелкая. Куда уж хуже? Ты себя в зеркало вообще видела? С этими жуткими синяками под глазами и бледной кожей ты сейчас похожа на восставшего мертвеца. Ты вообще ешь? Глядя на тебя, срочно хочется вызвать экзорциста, — рассмеялся он во весь голос, заполняя помещение привычным теплом.

Мы всегда умели поддержать друг друга в трудную минуту. Такая искренняя близость — огромная редкость между братьями и сёстрами, но общее тяжёлое детство раз и навсегда научило нас главному: сплочённости перед лицом внешней опасности и бесконечного семейного хаоса.

— Ну... я уже, если честно, и сама забыла, когда нормально ела, — призналась я, криво улынувшись. — В больнице есть столовая с трёхразовым питанием, но ходить по коридору

дoram пока слишком больно, так что я туда почти не добирюсь.

— Всё ясно, сейчас организую перекус, — Давид понимающе кивнул.

Брат вышел в коридор и вернулся буквально через пять минут, держа в руках шоколадный батончик и яблочный сок.

— На, подзарядись! Дополнительные калории тебе сейчас точно пойдут на пользу. А мне пора бежать на смену, увидимся позже. Кстати, приходил Макс, но он так и не дождался, пока ты очнёшься, торопился в университет.

Давид тепло улыбнулся, нежно чмокнул меня в лоб и быстро испарился за дверь.

Мама и дедушка оказались куда менее многословными. Мама с порога принялась раздражённо отчитывать меня с таким видом, будто это я сидела за рулём автобуса и умышленно спровоцировала катастрофу. Она всегда так делала — виртуозно выворачивала любую непредвиденную ситуацию таким образом, чтобы виноватой в конечном счёте оставалась именно я. Дедушка, напротив, молча и сильно переживал: у него мелко дрожали руки. Я поспешила его успокоить. Объяснила, что никаких опасных травм нет, меня быстро подлечат, и я совсем скоро благополучно вернусь к учёбе.

Глава 5. Экзорцизм обыденности

Через три дня медицинского надзора, бесконечных уколов и болезненных перевязок меня наконец выписали. Дома пока царило непривычное затишье, и я втайне надеялась, что этот хрупкий покой продлится гораздо дольше обычного. Изредка у мамы просыпалась неосознанная, робкая забота, и она даже пыталась проявлять любовь — так, как умела. В такие редкие мгновения черты лица заметно смягчались, а из взгляда начисто исчезала вечная, грызущая злость. Эти внезапные просветы в её поведении всегда казались нам с братом неестественными, почти чужеродными, но мы всё равно радовались им как главному празднику. Вот и сейчас мама сама принесла прописанные лекарства, строго проследила, чтобы я выпила нужную дозу, и даже оставила поднос с ужином в комнате.

Ночью я спала ужасно. Мне снова снился один и тот же изнуряющий кошмар. С раннего детства эти зловещие видения не оставляли в покое, заставляя просыпаться в диком, первобытном ужасе. В отчаянных попытках разобраться в собственной голове я когда-то даже бралась за «Толкование сновидений» Фрейда, но так и не осилила этот монументальный труд. Мне всегда интуитивно казалось, что далеко не всё во Вселенной можно объяснить исключительно земными переживаниями и фокусами подсознания. Но если судить по

классическим психоаналитическим трактовкам, проблемы с ментальным здоровьем у меня были огромные.

После выматывающей ночи я поднялась очень рано и принялась собираться к первой паре.

7:30.

До автобусной остановки идти минут пять быстрым шагом. Я всегда передвигалась именно так. Даже самая обычная прогулка превращалась в стремительный марш-бросок, словно я вечно куда-то опаздывала. Мне физически трудно ходить медленно. Наверное, на глубинном, подсознательном уровне я всю сознательную жизнь отчаянно пыталась убежать от серого прошлого. Бежать без оглядки.

Господи, как же меня теперь бесит эта дурацкая, въевшаяся в подкорку привычка анализировать каждый шаг! Спасибо пресловутой психологии, которая была обязательным предметом на первых курсах. Я тогда знатно покопалась в разуме, усердно выискивая нерешённые детские травмы, тянувшие в бездну саморазрушения. Тогда это действительно помогло, но теперь непрерывный внутренний психоанализ начинал откровенно раздражать.

На остановке я простояла минут пятнадцать. Мимо по разбитому асфальту то и дело проезжали знакомые соседи, дружелюбно притормаживая и предлагая подвезти. Я неизменно вежливо отказывалась.

Я из тех людей, которые органически терпеть не могут

бессмысленную болтовню. Каждый раз я вежливо улыбалась, качала головой и упрямо продолжала ждать автобус.

Стоя на пронизывающем весеннем ветру, я опять поймала себя на тщетных попытках докопаться до скрытых мотивов поведения. Чем я лучше или хуже всех этих людей? Каждый раз, выбирая личный комфорт, я ощущала слабую тень упрёка внутри. Но после долгих размышлений я сознательно приняла решение никогда не быть удобной и милой для окружающих в ущерб себе. За секундным укором совести неизменно следовало сладкое, пьянящее освобождение — словно глоток чистого воздуха после долгого одиночного заключения.

А иногда я не чувствовала ровным счётом ничего. Полная, звенящая пустота. Она давно стала самым верным союзником и даже своеобразным облегчением. Порой я пыталась разглядеть в этом эмоциональном онемении нечто ужасное, искусственно навязать себе угрызения совести, чтобы казаться такой же чуткой, как остальные, и отыскать в эгоизме порочные черты. Но в итоге оставалась ни с чем. И, признаться, подобный результат меня полностью удовлетворял.

«Я не собираюсь идти на компромиссы только потому, что кто-то считает их неизбежными», — упрямо подумала я, когда к остановке наконец подкатил знакомый автобус.

Стоило мне сделать шаг на подножку, как пальцы судорожно затряслись, а дыхание мгновенно перехватило. Опускаясь на продавленное сиденье, я отчаянно пыталась усми-

ритель подступившую панику. Вероятность того, что страшная авария повторится именно сегодня, стремилась к нулю, но испуганное тело наотрез отказывалось подчиняться здравой логике. Я стремилась хоть как-то отвлечься, но в голове не нашлось спасительной мысли. Тогда я отключила к чертям мозги, включила аудиокнигу и с головой провалилась в чужой вымышленный мир, где величественные драконы парили над острыми утёсами. Дыхание постепенно выравнилось, а дрожь утихла.

Каким-то чудом я успела вовремя к первой паре. София и Марго уже нетерпеливо поджидали меня у дверей аудитории, явно заготовив кучу вопросов о недавней катастрофе.

— Амелия, тебе вообще врачи разрешили посещать пары и тратить драгоценные силы на что-то, кроме восстановления? — строго поинтересовалась Марго, скептически выгнув бровь.

— Ну, доктор посчитал, что я уже достаточно окрепла для учёбы, — с бледной улыбкой отозвалась я.

— Рассказывай давай, как всё произошло? — нетерпеливо перебила её София, подавшись вперёд.

— Ты про аварию?

— Ну да! Это же как в кино!

— Соня, полегче, это тебе не голливудский блокбастер, — тут же осадила её Марго.

— Если честно, Марго, это и правда было как в фильме, — тихо вздохнула я, уводя взгляд. — Вот только с трагиче-

ским, кровавым финалом. Пятеро погибли на месте, остальные до сих пор в реанимации. Это я каким-то чудом отделалась лёгким испугом, — я осторожно указала ладонью на забинтованные рёбра и рассечённый висок.

— Главное — мозги-то на месте? — хохотнула София и шутливо пихнула меня локтем.

— Ну, вроде пока функционирует, — я невольно поморщилась от резкой вспышки боли в боку.

— Сонь, аккуратнее, ты её сейчас по швам пустишь! — сердито шикнула на неё Марго, ободряюще подмигнув.

— Как же мне вас не хватало, — искренне выдохнула я, глядя на обеих.

Рядом с ними я всегда ощущала себя по-настоящему живой. Подруги каким-то невероятным образом мгновенно возвращали мне уверенность и твёрдую почву под ногами.

В нашей маленькой компании Марго неизменно оставалась голосом холодного разума — серьёзная, рассудительная и практичная. София же, напротив, была сущим ураганом: весёлая, раскрепощённая, абсолютно независимая от чужого мнения. Она с поразительной лёгкостью совершала вещи, на которые у меня никогда не хватило бы духу. Длинноногая брюнетка с пронзительными серо-голубыми глазами, настоящая богиня во плоти. При эффектной модельной внешности она одинаково непринуждённо чувствовала себя и в обшарпанной студенческой столовой над тарелкой супа, и в самом пафосном ресторане города.

Марго постоянно предостерегала нас, а в особенности Софию, от импульсивных решений, подробно расписывая все за и против любого, даже самого безобидного плана. Этакая ходячая совесть. Высокая, с роскошной копной рыжих вьющихся волос, точёной фигурой и бездонными зелёными глазами. Она заслуженно считалась лучшей на курсе. Ей будто всё давалось без видимых усилий, но при этом Марго никогда не была зазнайкой. Она просто пользовалась законным правом быть первой.

Я искренне восхищалась обеими. Подруги словно гармонично дополняли меня, хоть я и сильно от них отличалась. Нет, я не считала себя хуже. Просто порой отчаянно выбивалась из общей картины, особенно когда дома творился очередной ад. Но девочки всегда оставались рядом. Я была безгранично благодарна им за эту молчаливую, надёжную опору и за то, что они никогда не лезли в душу с расспросами, едва заметив подавленное состояние.

Мы прошли в аудиторию. Я честно пыталась вникать в суть лекции, но мысли витали непозволительно далеко, и собрать себя в кучу никак не получалось. После аварии мозг превратился в кисель. Вернуть его в подобие чёткой системы, способной анализировать и структурированно перерабатывать информацию, оказалось задачей не из лёгких.

В итоге я не запомнила ни единого слова из того, что говорили преподаватели. К счастью, девчонки прилежно вели конспекты. Я решила, что перепишу пропущенный мате-

риал чуть позже, когда окончательно приду в себя.

На выходе из корпуса мы столкнулись с Максом и его компанией.

— Эй! Ты почему не написала, что тебя выписали? — резко, вместо приветствия, бросил он.

— Ну знаешь, когда тебя вытаскивают из-под обломков искорёженного автобуса, а потом ты валяешься в палате с сотрясением мозга, прости, что я первым делом не схватилась за телефон ради сообщения, — с изрядной долей сарказма отрезала я.

— Прости... Я просто дико испугался, когда узнал, — Макс заметно стушевался, и его голос зазвучал мягче. — Сразу приехал в больницу, но ты была без сознания. На посту сказали, что всё обошлось, и я уехал, чтобы не мешать. Думал, наберёшь меня перед выпиской, — он осторожно, нерешительно взял меня за руку.

От этого жеста я почувствовала себя дико неловко — в основном потому, что вокруг толпились десятки любопытных студентов. Впрочем, к нашим вечным пикировкам на фил-факе все давно привыкли: мы ведь учились в одной школе, а потом вместе поступили в университет.

Макс огляделся по сторонам, словно только что очнулся, и резко выпустил мою ладонь.

— Во сколько у тебя заканчивается последняя пара? — спросил он, в упор глядя мне в глаза.

— В 15:30. А что?

— Я отвезу тебя домой.

— Не надо, я... сама доберусь на автобусе, — по привычке попыталась возразить я, но внутри тут же болезненным, парализующим эхо-звоном отозвалась утренняя паника.

— Даже слушать не хочу. И я не спрашиваю, Амели! На автобусе ты сегодня точно не поедешь, — отрезал он.

— Ла-а-адно, — я картинно закатила глаза, но так и не смогла сдержать слабой, благодарной улыбки.

Мы с девочками зашагали дальше по коридору в сторону следующего кабинета.

— Амели, он точно хочет от тебя далеко не просто дружбы, — заговорщически подмигнула София.

— Мы всего лишь друзья, — я попыталась лениво отмахнуться, хотя в глубине души прекрасно понимала, что Соня абсолютно права.

— Так почему вы до сих пор не вместе? — поинтересовалась Марго, которая тоже видела всю изнанку нашего общения.

— Мы всегда балансировали на грани, но черту так и не переступили, — я замялась, мучительно подбирая слова. — Наверное, я слишком сильно боялась потерять его как близкого человека, если у нас ничего не получится. А он... даже не знаю. Может, банально опасался отказа.

— Отказа? Амели, да он же чёртков красавчик! — всплеснула руками София.

— Внешняя красота — далеко не главное, — осадила её

Марго и высокомерно закатила глаза.

— Ну да, ну да! Именно поэтому твой парень — горбун с богатым внутренним миром, — ехидно парировала Соня.

— Вовсе нет. Просто у него идеальный баланс всех достойных качеств, — ничуть не смутилась Марго, гордо вскинув подбородок.

— В любом случае у меня сейчас голова забита совсем другим, — подвела я финальную черту под их извечным спором.

15:35

Макс уже нетерпеливо ждал меня на парковке. Опираясь на капот машины, он сосредоточенно строчил очередное сообщение.

— Слушай, если у тебя есть срочные дела, я спокойно доберусь сама. Личный телохранитель мне не нужен, — крикнула я, спускаясь по лестнице.

На последней ступеньке я позорно споткнулась, но каким-то чудом удержала равновесие и не растянулась на асфальте.

— Ага, конечно. Вот когда ходить без приключений научиться, тогда и поговорим, — отозвался он с широкой ухмылкой. — Для тебя уже даже общественный транспорт стал зоной повышенного риска.

Мы сели в машину. По дороге я пересказала ему почти все события безумной недели. Разумеется, за исключением

тайны о загадочном спасителе: я до сих пор сомневалась в самом его существовании и уж точно не собиралась делиться подобным бредом.

У самого дома он крепко меня обнял. В этом не было двусмысленного подтекста: Макс и раньше обнимал меня, когда требовалось подбодрить или посочувствовать. Но сейчас я на физическом уровне ощутила, как сильно он перепугался.

— Увидимся, — улыбнулась я.

Привычным движением я послала ему воздушный поцелуй. Это была просто старая школьная традиция, к которой мы оба давно привыкли.

— До встречи, — кивнул Макс и завёл мотор.

Вечером, обложившись учебниками и конспектами, я тупо разглядывала запутанный узор на старом одеяле. Мысли в голове кружились, соткав такие же сложные, нечитаемые орнаменты, а я отчаянно пыталась ухватиться за главное: как успеть выучить терабайты пропущенного материала и закрыть сессию без пересдач. За последние дни свалилось слишком много потрясений, и уставший разум требовал полного покоя.

Глава 6. По законам Фрейда

Выходной. Суббота

Я сидела в самом дальнем углу кофейни, уткнувшись в книгу. Мне всегда удавалось мгновенно отключаться от внешнего мира. Это было просто: словно щёлкаешь кнопкой на невидимом пульте, и вот ты уже наедине с внутренним каналом. Правда, транслируемые там передачи в последнее время лезли наперебой, яростно сражаясь за внимание. Последняя строчка, которую я лениво пробежала глазами перед тем, как оторваться от страницы, гласила: «Вы, полумразумные-полутрусливые, вели нечестную игру с реальностью, но сами стали жертвой этой нечестности». Айн Рэнд.

Я подняла голову и за стеклом панорамного окна, напротив столика, снова увидела его. Он неподвижно стоял на тротуаре и пристально, не мигая, наблюдал за мной. «Что ему вообще нужно от меня? — испуганно промелькнуло в мыслях. — Сталкер чёртвов».

Стоило взглядам пересечься, как он резко развернулся и быстро зашагал вниз по улице. Схватив сумку, я пулей выскочила из кафе. Внутри проснулся азарт: я решила во что бы то ни стало выследить его и узнать правду. Ощущение было дикое — Декстер, идущий по горячему следу. На ходу я уже плохо соображала, зачем и ради чего ввязалась в

эту погоню. Я просто целеустремлённо шла вперёд, ведомая первобытным инстинктом.

Внезапно в ушах начался резкий, почти удушающий звон. После аварии эти припадки пугающе участились и могли накрыть в любое время суток. Но сейчас звон нарастал с такой бешеной скоростью, что за пару секунд превратился в тяжёлый, оглушительный гул церковных колоколов. Земля под ногами качнулась. И мир снова поглотила звенящая Тьма.

Судя по всему, я упала в обморок прямо посреди тротуара. Но очнулась почему-то в собственной постели. Как я здесь оказалась? Я же преследовала...

— Я, конечно, всё понимаю, но с каких пор тебя приносят домой без сознания? — строго поинтересовалась мама, стоявшая у порога. — И кто этот парень? Он даже имени своего не назвал.

— А что именно он тебе сказал? — спросила я, поспешно садясь на кровати и пытаюсь унять головокружение.

— Только то, что тебе внезапно стало плохо на улице, и он просто не смог оставить тебя там. Видимо, мозгов не хватает, чтобы уяснить простую истину: после тяжёлого сотрясения нечего шляться по городу. Врач же ясно дал понять: нужен покой, — выдала она дежурный поучительный монолог.

— Да, я знаю. Прости, — виновато буркнула я, пряча глаза.

Едва мама скрылась за дверью, я облегчённо выдохнула. Меня переполняла странная, лихорадочная радость. Какое

же это облегчение, что его существование теперь официально подтверждено кем-то ещё, кроме дежурного врача! Значит, я точно не сошла с ума, и этот брюнет вовсе не плод больной фантазии.

«Но как же он меня бесит!» — подумала я, сжимая одеяло. Кто он такой? Удивительно, но мне совершенно не было страшно. Да, по пятам ходит сталкер, да, он уже дважды спас меня, но легче от этого осознания не становилось. Мной двигало только чистое любопытство. От этого человека на подсознательном уровне не исходило ни капли опасности или явной угрозы. Мне так казалось.

Через пару дней я медленно гуляла вдоль набережной, наблюдая, как бурное течение реки уносит прочь тревоги прошедшей недели. То самое время, которое больше никогда не вернётся, если только не воскресить его в памяти. Я подобрала с тротуара сырой кленовый лист, насквозь промокший под дождём и безвольно ожидающий медленного распада, и бросила его в серую воду. Поток мгновенно подхватил его и унёс за собой. Возможно, в какое-то лучшее место. Вместе с ним плавно уплывали и тяжёлые мысли.

Дождь пошёл сильнее. Я раскрыла зонт.

Шагая по набережной, я отчаянно делала вид, будто у маршрута есть конечная точка. Цель... Была ли она у меня в этой жизни вообще? Пока я росла, единственным упрямым стремлением было сделать всё возможное, чтобы навсегда

покинуть родные края. Я искренне считала, что ненавижу эти серые, унылые улицы и людей вокруг, не желая даже притворяться, будто они мне хоть немного интересны. И дело заключалось вовсе не в том, что они были плохими. Просто категорически не хотелось, чтобы меня хоть что-то связывало с прошлым.

Однако с каждым днём я всё отчётливее понимала, что это лишь глупый самообман. Очередная хорошо продуманная форма побега от реальности. На самом деле во мне никогда не было настоящей ненависти. Я просто хотела бесследно испариться из места, где мне когда-то было невыносимо паршиво. Вот такое личное расстройство: жёсткое внутреннее сопротивление, где парадоксальным образом годами уживались глухая обида на судьбу и безграничная любовь к самому миру и лучшим людям в нём.

Но яростнее всего я всегда протестовала против извечных слов бабушки, которые до сих пор глухим эхом отзывались в голове: «А что подумают люди?» В детстве я неизменно кричала в ответ, что мне абсолютно плевать на чужое мнение. Но в глубине сознания, в самой потаённой его части, эта фраза до сих пор уродливо скреблась и заставляла быть как все. Я всеми силами пыталась делать вид, будто она не имеет надо мной власти, но порой в самые важные, переломные моменты пасовала перед разъедающим внушением. Да, я хотела быть нормальной, но не безвольной.

Я шла по улице, бережно баюкая одиночество. Мне все-

гда находилось о чём подумать или что вспомнить, поэтому минуты наедине с собой я ценила больше всего на свете.

Впереди наконец показалась знакомая вывеска любимого заведения. Единственной зависимостью оставался горячий капучино с корицей и сахаром. Бариста молча начинал варить его, стоило мне переступить порог: этот заказ оставался неизменным на протяжении нескольких лет. Забрав стаканчик и расплатившись, я привычно устроилась за столиком у окна. Обжигающий напиток дарил странное, осязаемое ощущение опоры. Доказательство того, что я всё ещё здесь, что я жива и существую в этой реальности. Не знаю, откуда именно взялось это чувство, но появилось оно совсем недавно. Такой приземлённый пустяк, как чашка кофе, стал надёжным якорем в настоящем, заставляя дышать и двигаться дальше.

Я решила: мне нужна подработка на пару часов в день, чтобы полностью перестать зависеть от родителей. Я с раннего детства ненавидела ждать и выпрашивать деньги. Если давали — отлично, если нет — что ж, так тому и быть. Клянуть не позволяла даже не столько гордость, сколько чёткое понимание бесполезности этой затеи: подобные финансовые просьбы дома слишком часто повисали в глухом молчании. Именно поэтому я уже с четырнадцати лет подрабатывала везде, где только могла.

Пока я мысленно прикидывала, что завтра с утра займусь просмотром свежих вакансий, на соседний стул бесцеремон-

но опустился Макс.

— Привет! Чего сидишь тут в гордом одиночестве и грустишь? — улыбнулся он.

— Я? Ну что ты, мне как раз весело у себя в голове, — отозвалась я в тон его иронии.

— А я вот шёл с тренировки, смотрю — в окне знакомое лицо, — Макс кивнул на стекло. — Подумал, что ты не откажешься от хорошей компании.

— Я только за.

Он быстро сходил к стойке, взял себе американо с выпечкой, купил пирожное мне и с таким видом, будто так и должно быть, вальяжно вернулся за столик.

— Знаю, что ты его обожаешь. Наслаждайся, — произнёс он и заботливо пододвинул ко мне тарелку с чизкейком.

Я не стала ломаться или делать вид, будто не стоило тратить. Прекрасно понимала, что Макс просто хотел сделать приятное, и с радостью приняла угощение. Терпеть не могла жеманные девчачьи игры. Если что-то не нравилось, всегда заявляла об этом прямо, без намёков. К тому же мы слишком давно и хорошо знали друг друга.

— В прокате идёт новая картина. Пойдёшь со мной? — как бы между прочим поинтересовался он.

Голос Макса звучал подчёркнуто бесстрастно, но в глазах читалась надежда на чудо. В эту иллюзию он слепо верил до сих пор, хоть и не предпринимал решительных шагов, предпочитая просто всегда оставаться рядом.

— Какой?

— Ужастик. Знаю, что ты по ним фанатеешь, — ухмыльнулся он.

— О-о-о, тогда я иду! — отозвалась я с улыбкой, ведь Макс органически терпеть не мог истории про маньяков, призраков и мистическую нечисть.

— Отлично. Тогда в пятницу в семь вечера. Только не забудь, а то в твоём ментальном лабиринте даже Фрейд сломает ногу. И да, я сам за тобой заеду. Хочу лично убедиться, что ты доберёшься до места в целости и сохранности.

Я улыбнулась и вспомнила, как с раннего детства могла в абсолютной темноте и полном одиночестве смотреть «Проклятие» или «Звонок». Конечно, бывало жутко, но этот жанр я всегда любила сильнее остальных. Почему? В моём понимании ужасы оставались всего лишь мрачными сказками, вымышленными от начала и до конца. А вот получить безопасную дозу адреналина столь простым способом я была только рада. В подростковом возрасте многие сходили с ума и творили глупости, я же вела себя как обычно. Но подобные фильмы, видимо, помогали выпустить скопившийся пар, давая легальную волю запертым эмоциям.

Мы поболтали ещё немного, допили остывающий кофе, после чего вместе вышли из душной кофейни и разошлись.

Глава 7. Проклятое наследие.

Куб Метатрона

Вторник. 9:00 утра

Мне нужно было съездить в университет, чтобы забрать курсовую работу для исправления. Сев в автобус, я привычно уткнулась лбом в прохладное стекло, совершенно не замечая, кто именно стоит или сидит рядом. На остановке послушно вышла, переступила порог главного корпуса и поднялась по лестнице на второй этаж. Старые монастырские стены здания были изрядно ободраны безжалостным временем. Сквозь слои тусклой, потрескавшейся краски отчётливо проступали следы десятилетий, что прожили здесь тысячи учившихся когда-то студентов.

Я зашагала по длинному коридору и заметила приоткрытую дверь нужного кабинета. Заходя внутрь, смотрела себе под ноги и на чистом автомате выдохнула:

— Здравствуйте, Елизавета Серг...

Договорить я не успела. Вскинув голову, поняла, что у окна стоит вовсе не научный руководитель. Передо мной стоял он.

— Здравствуй, — чётко, с расстановкой произнёс незнакомец, зафиксировав на мне пронзительный взгляд. — На-

конец-то мы можем поговорить без лишних свидетелей. Я планировал сделать это ещё в кофейне, но меня опередили. А мешать столь милой беседе в планы не входило, — отчеканил он, и в глубоком голосе проскользнула едва заметная ирония.

Я застыла на пороге как вкопанная. Разум наотрез отказывался понимать, объективная реальность это или затянувшийся бред. Во всей сцене крылась пугающая, неестественная аномалия. Он. В пустой аудитории.

И он снова был с головы до ног во всём чёрном. «И почему он никогда не меняет цвет одежды?» — подумала я.

Он ворвался в реальность неожиданно, как существо, которое абсолютно не боялось находиться здесь и сейчас. Присутствием этот человек буквально заявлял непоколебимые права на всё окружающее пространство. И в сокрушительной уверенности крылось нечто до безумия правильное и знакомое. Именно поэтому он всегда так явно выбивался из серой декорации.

— Да кто ты вообще такой, на хрен? — зло, срываясь почти на крик, выпалила я, делая шаг назад.

Вместо ожидаемого ответа или агрессии незнакомец оглушительно расхохотался. Это был настолько искренний, громкий и по-детски радостный смех, что я невольно сбросила глухую защитную броню и растерянно улыбнулась в ответ.

— Вообще-то, в голове это звучало куда угрожающе, —

призналась я, почувствовав лёгкую, мимолётную обиду за проваленный допрос.

— Верю, — он мгновенно посерьёзnel, но в уголках глаз всё ещё светились тёплые искры. — Я всё объясню. Пошли.

— Мне нужно дождаться преподавателя и забрать курсовую работу, — попыталась я включить остатки здравого смысла.

— Не сейчас. Научного руководителя всё равно нет, она только что уехала, — безапелляционно отрезал он.

Он уверенно, властно перехватил мою ладонь и увлёл за собой из пустой аудитории. Вопреки логике и элементарной технике безопасности, я даже не попыталась вырвать руку. Это прикосновение казалось самым естественным и правильным из всего, что случилось за долгое время. Осязаемым и до боли родным.

Я молча шла следом по коридору, отчаянно пыталась разобраться, почему позволила увести себя и что за щемящее первобытное чувство так сильно сдавливает грудь. Он до сих пор крепко сжимал мои пальцы. Я ощущала его абсолютную уверенность и колоссальную мощь. Странно, но мне искренне нравилось подчиняться этой силе: в её давлении крылось нечто незыблемое. Он казался настолько близким, будто мы знали друг друга целую вечность.

Мы быстро пересекли парковку. Он резким движением распахнул переднюю дверцу чёрного автомобиля.

— Садись, — твёрдо скомандовал он, бегло, насторожен-

но осматриваясь по сторонам.

— Ты сдурел? — я упрямо упёрлась ногами в асфальт. — Ни за что не сяду в чужую машину и уж тем более никуда не поеду с человеком, который преследовал меня столько времени!

— Садись, я сказал, — выдавил он с лёгкой, ободряющей улыбкой, но в голосе проступили жёсткие, стальные нотки.

— Не надо мной командовать.

— Мне это без надобности, Амели. Просто доверься и садись, — на этой фразе в зелёных глазах промелькнула странная вспышка.

Я пристально вгляделась в его лицо и поняла: я просто обязана сделать этот шаг, если хочу наконец выяснить, кто он и зачем ворвался в реальность. И я села. То ли дура последняя, то ли остатки ума растеряла по дороге. Не знаю! Что-то магнетическое, непреодолимое крылось во взгляде. Каждую секунду рядом с ним я, вопреки логике, ощущала обволакивающее тепло и абсолютную безопасность, хотя подсознание истошно вопило, тщетно взывая к инстинкту самосохранения.

Мотор глухо заурчал, и машина плавно тронулась с места. Всю дорогу остатки здравого смысла пытались внушить паническую мысль, будто меня везут на казнь. Я изо всех сил старалась сохранять внешнее спокойствие.

— Не переживай, на этой неделе убийств в графике нет, — иронично заметил он, не отрывая взгляда от дороги. —

Расслабься. Мы просто едем туда, где потише и нет посторонних глаз.

С этими словами он включил музыку. Из динамиков зазвучала Nickelback — If Today Was Your Last Day.

— Ну да, серийный маньяк сказал бы то же самое. Да и песня в тему, — буркнула я, демонстративно отвернувшись к боковому окну.

Однако в глубине души жила твёрдая, непоколебимая уверенность, что всё будет хорошо. Наверное, именно поэтому я не билась в истерике и не пыталась выломать дверцу на ходу. Меня буквально сжигало любопытство: кто он такой, чем занимается, зачем шпионит и, главное, что делал на ночной трассе в момент аварии? Незнакомец знал моё имя и, я подозревала, владел куда более обширной информацией. Я отчаянно жаждала ответов. И они ждали там, куда сейчас держал курс его автомобиль.

— Успокойся, ты смотришь слишком много ужастиков, — хитро улыбнулся он, изящно лавируя в плотном потоке машин.

— Откуда... Откуда ты это знаешь?

— Догадался, — протянул он с торжествующей ухмылкой.

Но я ему не поверила — слишком самоуверенно прозвучали эти слова. До самого конца я сидела тихо, лишь изредка поглядывая боковым зрением на резкий профиль. Черты лица казались безупречно чёткими, словно высеченными из

мрамора: волевая линия подбородка, аккуратная щетина, которая ему очень шла, и прямой, правильный нос. Губы оставались слегка напряжены, но приподнятые уголки выдавали тень улыбки. Высокие скулы подчёркивали внутреннюю, почти осязаемую силу, а глубокие зелёные глаза с ореховыми вкраплениями смотрели на трассу с абсолютной концентрацией.

Было сразу видно, что он отлично сложен. В словах врача о феноменальной силе сомневаться не приходилось. От него буквально веяло непоколебимой уверенностью. Это проявлялось в каждом мимолётном действии: даже скорость он переключал быстрыми, выверенными движениями, уверенно закладывая машину в идеальные повороты. С точностью до сантиметра он маневрировал между другими участниками движения, стремясь только вперёд.

Вскоре мы выехали на эстакаду, где он резко свернул вправо и повёл машину высоко в гору. Через пару километров, добравшись до уединённого склона, автомобиль резко затормозил.

— Выходи, — снова негромко скомандовал он, заглушая мотор.

Я демонстративно не двинулась с места, продолжая сидеть на пассажирском кресле. Он неторопливо повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Мы, конечно, можем остаться и в машине, но мне каза-

лось, тебе захочется немного прогуляться у реки. И там есть люди — так будет гораздо спокойнее, верно? — выгнув правую бровь, с привычной ухмылкой спросил он.

Фыркнув, я всё-таки толкнула тяжёлую дверцу и вышла на свежий воздух. Оглядевшись, поняла, что он привёз нас в старый парк. Когда-то в детстве мы часто приезжали сюда с Давидом, я обожала эти тропинки. Потом мы выросли, закрутились в рутине и перестали здесь бывать. Окружающий пейзаж мгновенно навевал приятную, лёгкую ностальгию, и я физически улавливала, как утреннее напряжение постепенно отступает.

Он снова уверенно взял меня за руку, и мы неспешно пошли вдоль каменистого берега. В этот раз я не сопротивлялась и даже не пыталась вырваться — его сильная ладонь держала пальцы властно, но при этом удивительно бережно. В простом прикосновении я вновь отчётливо почувствовала что-то до боли родное.

— Меня зовут Лев Стрельцов, — заговорил он после недолгого молчания. — Но с самого детства все звали меня Лео, мы очень долго жили с родителями за границей. И я вернулся в Россию только ради тебя, Амели. Мне было нужно тебя найти.

Я резко замерла и уставилась на него.

— Меня? Но... зачем?

— Ты ведь до сих пор слышишь звон в ушах? — Лео тоже остановился и развернулся ко мне.

— Да... но это последствия аварии, — тихо, растерянно пробормотала я, судорожно сжимая ремень сумки. — У меня сильное сотрясение, врачи предупреждали, что такое может быть.

— Нет, Амели, дело здесь вовсе не в сотрясении, — Лео резко помрачнел, челюсти плотно сжались, а пальцы до белых костяшек мёртвой хваткой впились в чугунные перила набережной. — Я был там, на ночной трассе. Я отчаянно, до последнего мгновения пытался остановить его и этот чёртов грузовик, но в этот раз мне не хватило какой-то грёбаной секунды.

— Кого — «его»? — переспросила я, но он оставил вопрос без ответа.

— Главное, что я в итоге появился вовремя и сумел вытащить тебя из искорёженного салона. Амели, этот звон в голове никак не связан с аварией. Ты ведь и сама видишь странные, необъяснимые вещи вокруг, верно?

— Ну, не совсем, — я замаялась, пряча взгляд. — Порой меня действительно мучают жуткие кошмары и преследуют... образы. Но у меня просто чересчур бурная фантазия, я с детства склонна приукрашивать реальность. Так проще справляться с...

Я на миг осеклась на полуслове, вдруг осознав, насколько легко, свободно и естественно мы сейчас разговариваем. Словно знали друг друга целую вечность, а не познакомились пять минут назад.

— Я знаю, — тихо произнёс Лео.

— Но откуда? Откуда тебе всё известно? Мне иногда кажется, что я просто тихо, незаметно схожу с ума, — пробормотала я, скорее обращаясь к собственной тени, чем к нему.

— Нет! И не смей больше даже думать об этом! — почти выкрикнул он, резко, до боли сжав мои пальцы.

— Да что ты вообще можешь обо мне знать?! — взорвалась я, окончательно потеряв самообладание.

Яростно выдернув руку из его ладони, я быстро, не оглядываясь, зашагала вперёд по узкой тропинке. Лео в несколько размашистых шагов нагнал меня. И в этот самый момент голову снова насквозь прошиб проклятый звон. В этот раз он оказался настолько невыносимым, сокрушительным и мощным, что ноги мгновенно подогнулись. Я опять не сумела удержаться на хрупкой границе реальности и беспомощно рухнула в темноту.

Когда я с трудом открыла глаза, Лео сидел на корточках рядом, бережно придерживая меня за плечи и протягивая открытую бутылку с водой. «Слава богу, он здесь», — промелькнула мимолётная, предательская мысль. Глубоко внутри затеплилось глухое, пугающее осознание: мне нужно, чтобы этот человек оставался со мной. Перепуганная внезапными чувствами, я поспешно, силой воли отогнала их прочь.

— То, что ты слышишь, — это Зов Метатрона, — серьёзно произнёс Лео, помогая мне сделать первый глоток. — Его вибрации способны различать лишь единицы во Вселенной.

Те древние души, которым суждено отыскать утерянное или передать великое знание.

— Зов? Какой ещё Метатрон? Это типа ангел какой-то из религиозных мифов? Так, стоп, это уже полный бред! — я нервно, истерично рассмеялась, отстраняясь от его рук. — Очередная сказочка о том, что все мы избранные и у каждого непременно есть великая миссия? Прямо как в шизотерических роликах из интернета! Мне, знаешь ли, не пятнадцать лет, чтобы слепо верить в подобную чушь. Это всё — последствия аварии. Обычный посттравматический синдром, сильное сотрясение. Скоро таблетки наконец подействуют, и я приду в норму, — я упрямо отвернулась к реке.

— Скажи мне только одно, Амели: ты правда считаешь себя обычным человеком? — Лео удивлённо вскинул брови и пристально, не мигая, всмотрелся в моё лицо.

— Я? — я на секунду запнулась, но быстро вернула привычную маску уверенности. — Ну, не совсем. У каждого есть заморочки и скелеты в шкафу, у меня их тоже предостаточно. Но в остальном — да. Я абсолютно обычная.

— Что ж... тогда дальнейшее окажется для тебя немного болезненным, дорогая, — Лео горько усмехнулся.

Он снова бережно взял мои ладони и принялся задумчиво перебирать пальцы, согревая их теплом.

— Но теперь я всегда буду рядом.

— Болезненным? Да ты хоть представляешь, что сейчас творится в моей голове? — выдохнула я, но руки забирать

почему-то не стала.

— Амели, ты даже не представляешь, как тяжело сейчас мне, — он зажмурился, и на скулах резко заиграли желваки.

После его слов внутри что-то болезненно, судорожно сжалось, и слёзы градом покатались из глаз. Я отчаянно пыталась их остановить, но они предательски скатывались по щекам одна за другой. Я совершенно не понимала природы этой бурной реакции. «Это всё авария, — упрямо твердил внутренний голос. — После неё всё полетело к чертям». Я поспешно отвернулась, чтобы Лео ничего не заметил, но было поздно. Он осторожно взял меня за подбородок, заставляя повернуться, и мягко смахнул влажные дорожки большим пальцем. От этого жеста я чуть не разорвалась изнутри.

— Я не знаю, что со мной происходит. Это всё из-за аварии, — попыталась я выдать хоть какие-то слова, чтобы поскорее перевести тему. — Откуда ты вообще взялся?

— Родители родом из России, но уехали очень давно, — спокойно ответил он, ослабляя хватку. — Мы ездили по разным странам, а последние десять лет провели в Каире. Мои отец и мать — учёные-археологи, так что я с раннего детства мотался по раскопкам. А по-русски говорю чисто потому, что дома мы общались исключительно на нём.

— Я не это имела в виду! — нервно перебила я. — Зачем ты преследуешь меня? Зачем появился здесь?

— Я не появлялся из ниоткуда, Амели, я уже был в твоей жизни раньше. Ты просто меня не помнишь, — Лео внима-

тельно взгляделся в моё лицо. — Скажи, когда я взял тебя за руку там в аудитории, ты ведь что-то почувствовала?

— Ну... ничего особенного, — откровенно соврала я, уставившись в сторону деревьев, и неловко, фальшиво улыбнулась.

— Тогда почему ты до сих пор не выдернула ладонь? — Лео слегка сжал мои пальцы, поймав на очевидной лжи.

— Ладно, хорошо, — сдалась я, упрямо вскинув подбородок. — Почувствовала. Что-то такое, чему в голове попросту нет логического объяснения.

— Потому что ты меня знаешь, Амели. Мы...

— Ну конечно! — я поспешила перебить, не дав ему договорить. — Вот только в твоей красивой истории кое-что не складывается. Я впервые в жизни увидела тебя на остановке ровно за несколько минут до аварии, и больше мы никогда и нигде до этого дня не встречались.

— Я понял, — Лео покорно опустил голову, и по лицу скользнула неприкрытая, горькая тень разочарования. — Давай на время отложим эту тему. Сейчас тебе важно понять главное: звон в ушах не пропадёт сам по себе. Он будет становиться громче, агрессивнее и мучительнее.

— Отлично. Значит, завтра же с утра запишусь на МРТ.

— Это ничего не даст, — покачал он головой. — Причина не внутри черепной коробки, а далеко за её пределами, понимаешь?

— Нет, не понимаю! Ты на полном серьёзе пытаешься мне

внушить, будто мифический небесный Метатрон без умолку бьёт в колокола, а я просто ловлю его волны? — едко съязвила я.

— Вовсе нет, — Лео негромко рассмеялся, и этот чистый звук немного разрядил удушливую атмосферу между нами. — Ни в какие колокола он не бьёт. Он транслирует тебе послание. Но разум не может его расшифровать, поэтому сознание воспринимает сигнал как невыносимый, калечащий шум.

— Ну даже если бы я на секунду поверила в эту чушь, как я должна его разобрать? Этот звук полностью парализует сознание, голова буквально раскалывается на части! Что, потвоему, я должна слышать в таком адском пекле?

— Послание, Амели. И чем сильнее ты будешь сопротивляться, тем болезненнее станут новые приступы.

— Потрясающе. Вероятность того, что подобная фигня случится именно со мной, стремилась к нулю. Но я, судя по всему, опять стала сраным исключением из всех законов Вселенной.

— Ты обязана принять это как данность. Само по себе оно уже не рассосётся.

— Я поняла, — обречённо, тихо выдохнула я, окончательно сдаваясь под сокрушительным натиском его железных, непоколебимых аргументов.

Я попросила Лео отвезти меня обратно, раз уж он ка-

ким-то образом знал адрес дома. Если быть до конца честной, видеть его прямо сейчас я больше не хотела. Мне казалось, будто всё происходящее — бред чистой воды, и завтра утром я проснусь в изолированной палате психиатрической клиники, где врачи диагностируют расщепление сознания. В тот момент я готова была поверить в любой, самый пугающий диагноз, но только не в ту мистическую реальность, которую только что услышала.

Голова гудела так, словно внутри на бешеной скорости нёсся поезд. Стоило попытаться выудить из памяти хотя бы крупницу понятного и логичного, как этот ментальный порыв тут же жестоко обрывался новой ослепляющей вспышкой мигрени.

Вернувшись в комнату, я выпила прописанные таблетки. Они явно не помогали, но я судорожно, как за спасительную соломинку, цеплялась за привычный ритуал. Около полуночи меня буквально выбросило из сна от жуткого грохота и истошных криков, доносившихся с кухни. Я медленно поднялась с кровати. Сердце по старой привычке мгновенно рухнуло в пятки: мама снова напилась и теперь в ярости методично разносила квартиру.

Бывают люди, которые после дозы алкоголя тихо засыпают в углу, никого не трогая. Нашу семью это благословение обошло стороной. Если мама выпивала, в стены летело всё, что подворачивалось под руку. Я с раннего детства жила в этом непреходящем, удушающем стрессе и каждую ночь мо-

лилась, чтобы кошмар прекратился, но он повторялся снова и снова.

Помню, как однажды её, полуживую и грязную, приволокли домой какие-то люди. Едва очнувшись, она принялась крушить мебель и швырять в нас тяжёлую посуду. Брат пытался её перехватить, прижать к полу и хоть как-то успокоить, но от сопротивления становилось только хуже. В детстве я просто забивалась в самый дальний угол, кричала и плакала до хрипоты. Из-за пролитых слёз голова разрывалась ещё сильнее, и в конце концов я засыпала от полного изнеможения, а весь удар Давид молча принимал на себя.

Утром мама всегда вела себя так, словно ничего не произошло. Будто все вокруг получили по заслугам. Она никогда и ни перед кем не извинялась. Напротив, с пеной у рта обвиняла покойных родственников, нас, ушедшего отца и саму судьбу во всех многочисленных неудачах, даже не пытаясь сдвинуться с мёртвой точки. Обычно после таких бурных ночей приезжала родня — поддержать дедушку и проведать нас с братом. Но на расспросы о том, что стряслось, мы с Давидом, стыдливо пряча глаза, неизменно отвечали, что всё в полном порядке. Детское отчаяние было настолько сильным, что, даже ходя в синяках, мы до судорожного ужаса боялись потерять последнего родителя. Мы изо всех сил притворялись счастливой семьёй, пытаясь обмануть не только жалостливых дядей и тётъ, но и самих себя.

Помню, как после очередного погрома я в слезах выска-

чила на улицу и во всё горло закричала, что ненавижу Бога. Я истошно кричала, что презираю Его за то, что Он заставляет детей так страдать, за то, что у нас с Давидом цинично отняли выбор и лишили даже крошечного просвета. Меня душила дикая, злая обида на Всемогущего: как он позволяет этому происходить? Сейчас я прекрасно понимаю, что это была классическая проекция образа отца, но тогда маленький, затравленный ребёнок внутри просто умолял хоть о какой-то защите.

Нынешняя ночь не стала исключением. Натянув кофту, я решительно вышла из комнаты.

— Ты испоганил мне всю жизнь! — истошно вопила мама в пустоту тёмной кухни, с размаху швыряя фарфоровую тарелку в стену.

Осколки со звоном брызнули во все стороны. Я содрогнулась от этого звука, но заставила себя подойти ближе, пытаюсь разрядить обстановку:

— Мама, может, ты пойдёшь спать?

— И вы... вы мне всю жизнь сломали! Лучше бы вас вообще не было! — орала она, сильно шатаясь и пытаясь прорваться к выходу в коридор.

Но затем её траектория резко изменилась, и она уверенно направилась к комнате дедушки. Внутри всё похолодело от ужаса: в таком состоянии она могла сотворить всё что угодно.

— Сто-о-ой! — со всей силы рывкнула я.

От неожиданности мама замерла как вкопанная.

— Хватит! Я сказала — хватит! — отчеканила я, вложив в эти слова столько леденящей злости и сокрушительной мощи, о существовании которых в себе даже не подозревала.

Она открыла было рот, пытаясь возразить, но ноги мгновенно подкосились. Мама без чувств рухнула на пол, словно сражённая невидимым ударом.

Через пару минут мы с прибежавшим на шум дедушкой кое-как подняли её, дотащили до кровати и уложили спать. Я молча смела веником осколки разбитой посуды и вернулась к себе.

Я давно перестала её бояться — ещё класса с девятого, когда, глядя ей в глаза, твёрдо заявила: если она поднимет на меня руку ещё хоть раз, я уйду навсегда. Слова, сказанные с абсолютной, взрослой серьёзностью, тогда её отрезвили. Побои прекратились. Брату, конечно, до сих пор прилетало, но уже чисто словесно. Тот день навечно выжег в сознании главную истину: если я сама себя не защищу, этого во Вселенной не сделает никто. Давид пытался, но маленькая девочка во мне слишком устала дрожать от страха. В моменты опасности я ощущала внутри глухую, жёсткую и непоколебимую силу.

Кое-как добравшись до постели, я провалилась в тяжёлое, спасительное забытьё. Засыпая, вспомнила детские яростные проклятия в адрес Небес. Учítывая, какими именно словами я когда-то обращалась к Богу, считать себя избран-

ницей Небес и какого-то там Метатрона казалось полнейшим бредом.

Однако сон не принёс долгожданного покоя. Сознание снова заполнили жуткие, кровавые картины. Мне снились убийства и женщина в чёрном одеянии. Она хладнокровно пытала мужчину, сидевшего на стуле с намертво привязанными к подлокотникам запястьями. В её руках хищно поблёскивала изогнутая сабля — точь-в-точь как в старых фильмах о боевых искусствах. Я не запомнила, чем конкретно закончился этот кошмар, но удушающее чувство первобытного ужаса отчётливо ощущала кожей ещё очень долго после того, как проснулась.

Я заставила себя подняться.

Глава 8. Остров где-то во Вселенной

На часах 8:00

Варю кофе. Голова от пульсирующей боли улетела в стратосферу. Иногда я искренне не понимаю, насколько же прочна психика ребёнка и человека в целом, чтобы выносить подобный ад и не сойти с ума. Хотя сама я уже находилась на грани. Пытаюсь сделать первый глоток, но этот утренний шлейф перегара и дешёвых сигарет, намертво въевшийся в стены кухни, — нечто невыносимое. Эти запахи настолько отравили разум с детства, что теперь я ненавижу алкоголь и табачный дым всем нутром.

Я собиралась бесшумно, как тень, чтобы не разбудить спящую мать. Меньше всего на свете хотелось сейчас видеть её или разговаривать с ней после ночного погрома.

Вышла из дома. Холодно.

Медленно иду по пустой улице. Машин на дороге почти нет. Жду автобус. Приехал. Я села.

На дворе вовсю наступала весна, но я умудрялась мёрзнуть даже самым жарким летом. Поплотнее укутавшись в шарф, привычно включила аудиокнигу. Я часто слушала или читала несколько томов параллельно. На этот раз в наушни-

ках звучал Харуки Мураками и его меланхоличный, щемлящий «Норвежский лес». Уставившись в запотевшее окно, я прокручивала в голове сюжет — фантазия с детства работала на полную мощность. Радовало одно: ночной звон в ушах наконец затих и пока не возвращался.

Вышла на остановке. И тут из толпы снова появился он. Лев. Мне гораздо больше нравилось называть его Лео.

— Ты как? — с неподдельной, согревающей нежностью в голосе спросил он, бесшумно преграждая путь на тротуаре.

— Э-э-э... Нормально, — растерянно пробормотала я.

— После вчерашней ночи? — он внимательно всмотрелся в моё лицо.

— А что такого, по-твоему, произошло вчера ночью? — я пристально уставилась на него, тщетно пытаясь поймать малейшее изменение в выражении его глаз.

— Ты сама прекрасно всё знаешь, Амели.

Он смотрел мне прямо в душу, а я испуганно сверлила его взглядом. В эту секунду стало ясно: этот человек каким-то образом действительно в курсе домашнего кошмара. Я поспешно отвела глаза. Нахлынуло удушающее чувство стыда. Я всегда буквально сгорала от него, стоило кому-то постороннему узнать неприглядные подробности личной жизни. Я искренне ненавидела открывать дверь в этот полный погромов мир. Но Лео знал. И я, нацепив привычную маску абсолютного безразличия, просто двинулась мимо него к корпусу.

— Стой. Пожалуйста. Я не могу... — он осёкся.

Уже второй раз за время наших коротких встреч он не находил сил закончить фразу.

— А я не могу больше всё это выслушивать! Не могу! — взорвалась я, оборачиваясь. — Мне нужно бежать на пары. Прости, но я не хочу больше слушать очередной бред про мифическую избранность и Ключи! Не хочу! Я смертельно, понимаешь, до изнеможения устала!

В груди что-то со страшным треском разрывалось, но я давно научилась наглухо блокировать эмоции. И этот раз не стал исключением. Я хотела одного — сбежать. Снова. Сбежать от него, от этого пронзительного, видящего меня насквозь взгляда, от всего мира и от самой себя. Как бежала всегда.

— Ты правда... правда совсем ничего не помнишь? — с непередаваемой, глухой болью в голосе выдохнул он.

— Что? Что именно я должна помнить? Тебя? Нет, Лео, не помню! Я только... — теперь уже я сама захлебнулась словами и не смогла договорить.

Он резко, решительно шагнул вперёд, бережно, но крепко обхватил ладонями моё лицо и мягко приподнял подбородок. На секунду глаза оказались в опасной близости. Лео отчаянно, с надеждой вглядывался в мои зрачки, пытаясь отыскать на дне хоть какой-то мимолётный отблеск общего прошлого. И, не найдя того, что искал, медленно, бессильно опустил руки.

— Я понял, — глухо выдохнул он, отступая на шаг.

После этих слов он молча развернулся и ушёл. Глаза тут же наполнились слезами. Никакой логичной причины для внезапной истерики не было: по сути, этот человек оставался абсолютным чужаком, мы едва знали друг друга. Но глухая, первобытная боль внутри разрывалась с такой силой, что дышать становилось трудно. Мне до безумия, до крика хотелось, чтобы он вернулся, крепко прижал меня к себе и больше никогда не отпускал. Нахлынуло дикое, пугающее ощущение, будто душу бесцеремонно разорвали надвое: одна половина ушла вместе с ним, а вторая осталась влачить жалкое существование. Без первой части она просто не могла быть цельной. Это невидимое место рядом всегда принадлежало ему, и до этого момента оно безнадёжно пустовало. Никто из окружения не подходил на эту роль, а он — да.

Но я продолжала упрямо отталкивать его, потому что прямо сейчас было слишком тяжело. Мне так проще. Подпускать людей близко, по-настоящему раскрываться и обнажать то, что я годами так тщательно прятала даже от самой себя, — невыносимо трудно. Куда безопаснее держаться на расстоянии и выбирать тех, кто не лезет копаться в ранах. Максимум и подругам вполне достаточно того минимума, который я готова предложить. Но Лео этого было мало.

Первая пара.

Лектор монотонно вещал о влиянии политики на авторов

и произведения в разные исторические эпохи. Что я вынесла из этого часового монолога? Ровным счётом ничего. Все мысли сводились к одному: я отчаянно желала, чтобы Лео снова появился в дверях аудитории. Я честно пыталась вести себя как обычно, но девчонки мгновенно заметили перемену. Сославшись на плохое самочувствие, сразу после четвёртой пары я сбежала из университета.

Вот только домой не поехала — ноги сами привели в центр города. Мне необходимо было прогуляться по набережной, чтобы хоть как-то прийти в себя. Я шла вдоль реки, абсолютно не обращая внимания на спешащих мимо прохожих. В режиме полного автопилота отшагала километра три или четыре. Долгая, изнурительная ходьба всегда служила для взвинченного сознания лучшей терапией.

Когда я наконец очнулась от бесконечного круговорота мыслей, то остро почувствовала, что безумно хочу спать — сказывалась кошмарная бессонная ночь. Я завернула в первую попавшуюся кофейню и заказала привычный капучино. Горячий напиток быстро согрел онемевшие пальцы и ненадолго вернул в реальность. Неизменный спасительный якорь. Сделав последний глоток, я направилась к выходу и у дверей столкнулась с ним.

— И почему ты гуляешь в одиночестве? Ты часто так делаешь? — тихо спросил Лео, глядя на меня сверху вниз пронзительным взглядом.

— Частенько, — я постаралась, чтобы голос звучал макси-

мально уверенно. — Люблю ходить одна, это помогает разобраться в мыслях.

— Получилось?

— Нет.

— Можно я помогу?

— Не надо. Мне кажется, так гораздо сложнее, — я упрямо покачала головой. — Я не хочу и просто не могу сейчас обсуждать проблемы с человеком, которого толком не знаю.

От этих слов в зелёных глазах хищно блеснула опасная искра. Лео судорожно сглотнул подступивший к горлу ком, но промолчал, с трудом подавляя бушующую внутри бурю. Затем он перехватил мою ладонь, бережно перебрал пальцы и, вскинув голову с таким видом, будто совершает самое естественное действие во Вселенной, уверенно потянул меня за собой на улицу.

И я покорно пошла за ним. Я не могла сопротивляться. Да и, если быть до конца честной, больше не хотела.

— А я думала, что больше тебя не увижу, — нарушила я тишину, хитро улыбнувшись.

— Ошибаешься. Теперь я буду с тобой всегда, — ответил он, ещё крепче сжимая мою ладонь.

— Любопытно. Моего мнения ты, видимо, спрашивать не собираешься?

— Ты просто ещё не осознала этого до конца, но ты моя. И всегда ею была, — Лео резко остановился.

— Ну да, конечно. Исключительно в твоих безумных фан-

тазиях?

— Нет, — отрезал он и хмуро посмотрел на меня.

— Послушай, мне не нужны эти странные игры, — я упрямо высвободила руку. — Я так больше не могу. Да, глупо отрицать: я чувствую к тебе нечто необъяснимое, внутри всё буквально кричит от дикого притяжения, но разум твердит совершенно другое. Откуда ты взялся? Почему появился именно сейчас? Что всё это значит? Что я должна помнить и, главное, как?! — я едва выдавила из себя эти выжигающие вопросы, чувствуя, как подступает удушающий ком.

Вместо ответа Лео медленно поднёс мою ладонь к лицу, и я ощутила мимолётное прикосновение его тёплых, мягких губ к коже.

— Я же говорил, что вернулся в этот мир только ради тебя, Амели, — тихо произнёс он, глядя мне в глаза. — Я находился слишком далеко, на другом континенте и не мог быть рядом. Прости меня... Прости за то, что все эти годы тебе пришлось оставаться с кошмарами один на один. Прости, что тебе пришлось жить... так.

— Но зачем ты извиняешься? — растерянно бросила я, поспешно отводя взгляд и делая вид, будто увлечённо рассматриваю яркие витрины магазинов. — Ты здесь совершенно ни при чём. Это просто жизнь. Да и что бы ты мог изменить?

До старого парка мы добрались в полном молчании. Внутренне я хотела получить ответы и одновременно желала про-

сто раствориться в текущем моменте, быть с ним здесь и сейчас. Но суровая реальность безжалостно напомнила о себе: в голове снова возник проклятый колокольный звон, и колени предательски подкосились.

— Давай сядем, — выдохнула я, указывая дрожащей рукой на уединённую лавочку в тени деревьев.

— Опять? — в глубоком голосе мгновенно промелькнула паника.

— Да.

Я судорожно вцепилась в рукав, пытаясь удержать сознание и хоть как-то справиться с этим шумом.

— Попробуй расслабиться, — тихо попросил он, обнимая меня за плечи.

— Очень смешно... Я не могу. Этот звон поглощает меня, — едва слышно прошептала я.

Когда я начинала паниковать, пространство вокруг уплотнялось, словно воздух превращался в невидимый физический барьер. Стоило попытаться поторопить события или сделать резкий внутренний рывок, как в груди раздавался отчётливый, фантомный щелчок, отзываясь чем-то пугающе знакомым. Я наивно думала, что держу себя под полным контролем, но что-то на дне сознания отчаянно искало выход — короткий, стремительный и болезненный.

И снова мир померк. Внезапные обмороки стали новой, пугающей реальностью. Странно, но в секунду полного отключения звон мгновенно прекращался, бесследно исчезая,

едва достигнув апогея.

Когда я с трудом открыла глаза, то почувствовала на лице неприятную, липкую влагу. Из носа текла тонкая, тёплая струйка. Потрогав уши, я с ужасом поняла: оттуда тоже шла кровь. Лео с бледным, испуганным лицом протянул чистую бумажную салфетку, и я принялась аккуратно стирать эти следы.

— Какое роскошное у нас вышло свидание в парке, — подумала я вслух и невольно, почти истерически рассмеялась, глядя на испачканные пальцы.

— Так больше нельзя! Я не могу спокойно на это смотреть. Это калечит тебя, и приступы случаются всё чаще, — в голосе Лео звенело неподдельное, острое отчаяние.

— Что это, Лео? Объясни, что со мной происходит?

— Тебе нужно научиться управлять собой, — он бережно взял меня за плечи. — Ты годами подавляешь слишком много энергии, наглухо рационализируя всё, что случается. Ты привыкла убегать от проблем, но сейчас пришло время остановиться и принять истинную суть. Я помогу. Просто доверься мне.

Между нами словно лопнула невидимая струна, державшая на расстоянии. Лео резко сделал шаг вперёд и притянул меня к себе за талию. Его ладонь легла на затылок, пальцы запутались в волосах, слегка запрокидывая голову назад.

Я лишь успела судорожно выдохнуть, когда его губы накрыли мои — жадно, требовательно и бескомпромиссно.

Это не было нежным прикосновением; это было долгожданное столкновение двух стихий. Поцелуй сразу стал глубоким и властным. Отчаянный натиск Лео заставил меня тихо охнуть, и этот едва слышный звук потонул в его горячем дыхании.

Отвечая на поцелуй, я заставила себя позабыть обо всём мире. Я рванулась навстречу, вцепившись пальцами в плечи Лео, сминая ткань рубашки, словно пыталась удержаться на ногах посреди внезапного шторма. Губы раскрылись, отвечая с такой же страстью, обнажая бурю чувств, которую я так долго прятала.

Время вокруг полностью остановилось. Слышался только рваный, прерывистый стук сердец, бьющихся в один бешеный такт, и общее обжигающее дыхание. Лео прижимал меня к себе так сильно, будто хотел полностью растворить в себе, лишить воли и сделать частью собственного существа. Каждый миллиметр тел кричал о взаимном притяжении, превращая это мгновение в сладкое, долгожданное безумие, от которого уже не хотелось спасаться.

— Как долго я этого ждал, Амели... — его горячее дыхание обжигало губы. — Каждый раз, когда ты была рядом, я сходил с ума.

Я сдалась.

Он снова поцеловал меня, и я окончательно, безвозвратно растворилась в пространстве. В то же мгновение в сознании вспыхнул ослепительный, кристально чистый Свет, и на до-

лю секунды сквозь этот всплеск я отчётливо увидела её.

— Книга... — тихо прошептала я, не желая отрываться от его губ.

— Книга? — Лео неохотно отстранился, взволнованно вглядываясь в моё лицо.

— Не знаю... Когда я закрыла глаза, вспыхнул яркий Свет, и я увидела книгу.

— Дай мне руки и снова закрой глаза.

Я послушно выполнила просьбу, чувствуя, как тёплые ладони Лео мягко сжимают дрожащие пальцы. Тьма перед глазами тут же рассеялась. Я вновь увидела сияющий лазурный Свет и тяжёлый том в глухом чёрном переплёте. Разглядеть название не получалось. Я сделала шаг навстречу, но кожаная обложка оказалась пуста: на ней не было ни единого слова, лишь древние символы и сложная геометрическая фигура посередине.

Я попыталась протянуть руку и открыть первую страницу, но меня мгновенно отбросило назад мощной волной. В ушах опять зародился знакомый звон, но на этот раз куда тише и слабее прежнего. Я даже могла без труда удерживать контроль над сознанием и осознанно блуждать в этом ментальном пространстве.

Я открыла глаза и шумно, прерывисто выдохнула.

— Она была чёрной. С кучей каких-то древних знаков и странной, сложной геометрической фигурой по центру.

Лео молча достал из кармана телефон, быстро набрал что-

то на экране и развернул дисплей ко мне.

— Такая?

— Да... Один в один, — перехватило дыхание, когда я увидела картинку.

— Куб Метатрона, — тихо произнёс он, и на его губах впервые появилась искренняя, торжествующая улыбка. — Этот сакральный контур относится к высшей геометрии Вселенной, он символизирует абсолютную защиту духа и первородное знание. Куб рождается из Цветка Жизни, который содержит матрицу всего мироздания. Когда окончательно теряешь ориентиры и перестаёшь понимать, где находится внутреннее ядро, — появляется Куб Метатрона. Он напомнит, что изначально твоя суть — это чёткая, безупречная структура, а не хаотичный набор уродливых осколков. Теперь ты мне наконец-то веришь, Амели?

— Слушай, я человек рациональный, — я упрямо тряхнула косой, выставя привычную ментальную броню. — И то, что я только что увидела яркую картинку в голове, ещё вовсе не означает, будто поверила в фантастические сказки. У меня, если ты вдруг забыл, чересчур бурная фантазия. Я умею выдумывать целые миры. Измученный разум просто выдал случайную визуальную ассоциацию. Это абсолютно ничего не доказывает.

— Но ведь звон стал тише? — тихо спросил Лео, по-прежнему не выпуская моих рук.

— Да, — нехотя, сквозь зубы признала я. — Но, возмож-

но, это обыкновенное совпадение, и наконец-то подействовали таблетки, которые я приняла до этого.

— Ты пила лекарства? — он резко нахмурился, и взгляд мгновенно потемнел.

— Ну да, от мигрени.

— Тебе категорически нельзя их принимать, Амели! От этой химии последующие приступы станут только агрессивнее и болезненнее. Таблетки глушат и искажают входящий сигнал.

— Ты вообще хоть представляешь себе, что такое адская, раскалывающая череп мигрень, да ещё и в комплекте с гулом в ушах? — вспыхнула я, яростно выдернув ладони.

— Нет.

— Так ты мне на полном серьёзе предлагаешь умирать от боли?

— Я никогда не пожелал бы тебе подобного, — его голос мгновенно смягчился, напоминая тёплый бархат. — Я просто констатирую факт.

— Ладно. Давай на секунду допустим безумную мысль, будто я во всё это поверила, — я устало, обречённо потёрла виски. — И что, по-твоему, мне теперь делать с этой информацией?

— Пока не знаю... Но я во всём разберусь, обещаю тебе. Я ни за что на свете не позволю тебе снова... — Лео в который раз резко запнулся на полуслове, умышленно утаивая финал фразы.

— Где мы виделись раньше? И почему я должна тебя помнить? — спросила я, в упор глядя в его зелёные глаза.

— Пока слишком рано, — Лео покорно покачал головой. — Я расскажу тебе всё, но позже, Амели. Дай нам немного времени, они нам его да... — он резко осёкся на полуслове и, судя по мгновенно потемневшему взгляду, искренне пожалел о сказанном.

— Кто — «они»? — внутри всё похолодело.

Он снова проигнорировал вопрос. Молча поднявшись с лавочки, Лео перехватил мою ладонь и уверенно потянул к выходу из парка.

— Поехали, я отвезу тебя домой. Тебе нужен отдых.

— Нет, я не хочу, — заупрямилась я, упираясь ногами в каменистую тропинку. — Можешь ехать один, я прекрасно доберусь сама. Мне нужно побыть наедине с собой и пройтись.

— Я сказал, что отвезу тебя. Тебе сейчас категорически нельзя оставаться одной.

— Это почему ещё? Или данный вопрос тоже входит в список тех, которые мне пока не положено задавать?

— Пока да.

Всю обратную дорогу мы провели в молчании. Я лихорадочно прокручивала в голове события этого дня, а он, судя по побелевшим костяшкам пальцев на руле, напряжённо о чём-то думал. Лео выглядел по-настоящему встревоженным.

Минут за десять мы долетели до двора. Машина плав-

но затормозила у обочины. Я потянулась к ручке, собираясь толкнуть дверцу, но Лео резким движением перехватил моё запястье и повернул моё лицо к себе.

— Ты даже не представляешь, как сильно я не хочу отпустить тебя туда, — с непередаваемой, глухой болью в голосе выдохнул он, глядя на окна квартиры.

Наши глаза снова встретились. Дыхание перехватило, а пульс, напротив, бешено участился. Лео слегка наклонил голову, и его губы начали медленно, почти неувовимо приближаться к моим, будто он панически боялся спугнуть этот миг. Нахлынуло удушавщее, сладкое ощущение тепла. Мне казалось, что наши сердца стучат в одном синхронном ритме, а кровь бежит по венам быстрее, заполняя каждую клеточку тела.

Губы соприкоснулись — осторожно, невесомо, словно первое касание крыла бабочки. Но уже в следующее мгновение поцелуй стал глубже, требовательнее, настойчивее. Мы будто растворились друг в друге, напрочь забывая о вселенной за запотевающим стеклом машины. Весь мир вокруг перестал существовать, остались лишь мы двое. Время окончательно замерло, секунды превратились в вечность, и каждый миг казался бесконечным.

— Амели, ты сводишь меня с ума, — глухо прорычал он в мои губы и поцеловал с новой, сокрушительной силой.

И в эту секунду в голове что-то взорвалось. Я вспомнила. Вспомнила его поцелуи, его касания, руки. Перед глаза-

ми ослепительной вспышкой пронеслись чужие, но осязаемые образы: мы вдвоём стоим на каком-то далёком Острове, окружённом скалами и густым массивом вековых деревьев.

— У меня дежавю... — едва слышно пробормотала я, тут же горько пожалев, что снова разрушила момент.

— Нет, — тихо отозвался Лео, не отводя потемневшего взгляда от моих губ.

— Что «нет»?

— Это не дежавю. Ты что-то увидела, верно?

— Я не знаю... Но когда ты меня поцеловал, я вспомнила тебя. Прикосновения, объятия... Мы были на каком-то острове. Кругом скалы и шумел океан.

— Да, — на его скулах снова резко заиграли желваки. — Мы действительно были там.

— Когда?

— Слишком давно.

— Я так больше не могу, понимаешь? — в голосе впервые послышались беспомощные слёзы. — Мне нужны ответы!

— Я не могу их дать. Пока не могу... Я просто пока не знаю как, Амели, — выдохнул он и тяжело, обречённо отвернулся к рулю.

На этом разговор окончательно оборвался. Лео молча вышел из машины, обошёл капот и открыл дверцу, протягивая ладонь. Я наотрез не хотела покидать салон. Мне хотелось одного: остаться в этой машине и силой вытрясти из него всю правду.

Ночью я провалилась в тяжёлый, лихорадочный сон. И снова мы с Лео были вместе там. Остров, деревья, скалы — но в этот раз картинка проступила в подсознании гораздо отчётливее. Нас окружал океан, но вода в нём была вовсе не бирюзовой, как на Мальдивах или глянцевых открытках, а пугающе тёмно-синей, почти чёрной. Мы медленно шли по пустынному, холодному пляжу. Лео крепко держал меня за руку, привычно перебирая пальцы, как делал это наяву. Мы спорили. Это не была ожесточённая ссора, скорее — моё упрямое решение, с которым он категорически отказывался мириться. Затем голоса сорвались на крик, и Лео быстро ушёл вперёд, бесследно растворяясь в наплывающем сером тумане.

На этом моменте я проснулась. На дворе была ещё ночь, но уснуть я больше не смогла. Накинув халат, поднялась с постели и тихо подошла к окну. Из окон всегда открывался потрясающий вид на небо, и я с детства обожала часами разглядывать далёкие звёзды.

Я всматривалась в холодный блеск созвездий и впервые поймала себя на мысли: я больше не пытаюсь подогнать происходящее под сухие термины из учебников по психологии. Барьеры начинали рушиться. Далеко не всё в этом мире можно объяснить.

Я всегда искренне любила этот мир. Каждую его крошечную крупицу, каждый фрагмент прекрасной планеты. Умела радоваться мелочам, как ребёнок, когда он впервые видит

бабочку, белку или цветы. Наверное, именно эта безусловная любовь к жизни и давала силы, подпитывая упрямую веру в то, что лучшее ещё впереди и оно обязательно случится. Это походило на интуитивное знание самой сути бытия. Ты просто чувствуешь, что это правда, и веришь в неё всей душой. Откуда берётся эта уверенность? Абсолютно неясно.

Конечно, так бывало далеко не всегда. Порой невольно сворачиваешь с намеченной тропы, и тебя с головой поглощает чёртово колесо ежедневной рутины, бытовых задач и обязательств, которых с каждым днём становится всё больше. Но стоит остановиться хотя бы на минуту, вслушаться в звенящую внутреннюю тишину, как снова отчётливо видишь истинный путь. Этот скрытый свет. У большинства людей он со временем безвозвратно гаснет, но существуют единицы, внутри которых пламя горит всё ярче. Во мне огонёк тоже теплился, я ощущала его пульсацию с детства. Вот только походил он на старый карманный фонарик, у которого отчаянно барахлят батарейки. Надо бы заменить их к чертям, и дело с концом, но как? И где раздобыть этот новый источник питания?

Я простояла у стекла ещё около получаса, бездумно разглядывая холодные звёзды, а затем послушно вернулась в постель, пытаясь снова уснуть.

Глава 9. Пятничное «Заклятие»

Полноценно отдохнуть так и не удалось: бешеная центрифуга из мыслей в голове категорически отказывалась замедлять ход. Выключив будильник на телефоне, я внезапно поймала себя на странном факте: с самого момента знакомства Лео ни разу не позвонил и не написал ни единого сообщения. В том, что у него есть мой номер, я даже не сомневалась, раз уж он умудрился связаться с семьёй в день аварии. Но этот брюнет всегда предпочитал просто появляться там, где находилась я.

А это означало одно из двух: либо он вёл круглосуточную слежку, либо действительно каким-то чутьём безошибочно знал, где я. И последний вариант, честно говоря, выглядел куда более пугающе, чем если бы он оказался банальным сталкером. От нелепой, абсурдной мысли мне впервые за утро стало искренне смешно.

Сегодня вечером я должна была пойти в кино с Максом. Конечно, первым порывом оказалось желание всё отменить, но затем я решила, что просто необходимо принудительно переключить разум с этого хаоса на что-то приземлённое, простое и понятное. Я заранее написала Максу, что доберусь до торгового центра сама. Он уже нетерпеливо ждал меня возле касс, радостно помахивая зажатými в руке билетами.

— Привет! Ну зачем? Не стоило, я вполне могла купить

билет сама, — с ходу заявила я, подойдя ближе.

— Шутишь? Я же тебя пригласил, так что сделал это с огромным удовольствием, — с открытой, обезоруживающей улыбкой отозвался он.

Макс был абсолютной противоположностью Лео. Высокий, русоволосый, с тёплыми карими глазами и широкими тёмными бровями. София была права: он действительно был красив, но я этой броской мужской красоты в упор не замечала, воспринимая его исключительно как школьного друга. Я никогда не играла с его чувствами и не давала ложных надежд. Прекрасно понимала: рано или поздно дружбе придёт конец, ведь Макс втайне продолжал надеяться на то, чему никогда не суждено было сбыться. Я это знала. Видела иногда его взгляд.

Но я искренне любила его — ещё одного прекрасного, чистого человека в моей жизни. И категорически не хотела терять из-за глупого порыва попробовать нечто большее. В каком-то смысле я была эгоисткой. Впрочем, и он никаких решительных шагов для изменения статуса не предпринимал, а редкие совместные походы в кино в этот счёт не шли. Макс искренне обожал кинематограф, и мы могли часами спорить о режиссёрах, жанрах и актёрской игре.

— Ладно, уговорил. Тогда с меня попкорн, — настойчиво отрезала я и решительно направилась к барной стойке. — Два средних, пожалуйста. В один насыпьте снизу солёный, а сверху сладкий. А тебе какой? — я повернулась к Максиму.

— Солёный, однозначно, — Макс сморщился, будто говорил о редкостной гадости. — Из всех знакомых только ты способна заниматься подобной ересью и мешать в одном ведре два разных вкуса.

— Ему обычный солёный, — улыбнулась я кассиру, забирая ведро. — Ой, и ещё две бутылки колы, пожалуйста.

Быстро расплатившись, мы зашли в прохладный полумрак зрительного зала. В прокате как раз шло «Заключение», основанное на реальных событиях. Под злоеющее завывание звуковых эффектов я пришла в полный восторг, окончательно позабыв о сумасшедшей неделе, утренней панике и проклятом звоне.

А вот Макс искреннего энтузиазма явно не разделял. Он держался из последних сил, но сжатые челюсти показывали, что для него этот фильм — перебор. Примерно в середине, на самом пугающем моменте, когда я резко вздрогнула от неожиданности, он попытался осторожно взять меня за руку. Спасая положение, я засунула ладонь поглубже в ведро с попкорном. Именно в эту секунду я поймала себя на мысли: а как бы сейчас отреагировал Лео, узнай он, что я сижу здесь с другим парнем? Но я ведь была не с чужаком, а с другом детства!

Экран погас, в помещении зажглись огни, и толпа зрителей направилась к выходу. По привычке я шла, уткнувшись взглядом себе под ноги, но стоило поднять глаза у самого выхода, как сердце застучало быстрее.

Лео стоял у дверей зала, скрестив руки на груди.

«Вот чёрт», — панически пронеслось в мыслях. Я, конечно, прекрасно понимала, что между нами нет никаких обязательств. Но вчерашний день, поцелуй у дома, ночной сон об Острове и тонна других связывающих нитей заставляли чувствовать себя странно. И перед ним, и перед Максом, которому я так ничего и не рассказала. Особенно теперь, когда я видела Лео перед собой. Я отчаянно старалась не подавать виду и сохранять внешнее хладнокровие.

— Привет! Что ты здесь делаешь? Опять шпионишь за мной? — спросила я с напускной ехидной усмешкой.

В этот момент из толпы как раз вынырнул Макс, держа в руках пустые пластиковые бутылки. Парни мгновенно обменялись тяжёлыми, колючими взглядами. Никто не пожелал заговорить первым, и разрушать это глухое, удушливое молчание пришлось мне.

— Лео, знакомься, это Макс — мой лучший друг. А это Лео, мой... знакомый, — я едва выдавила последнее слово, чувствуя, как неловкость сковывает горло.

«Знакомый»... Какое глупое определение для человека, который за несколько дней перевернул вселенную с ног на голову! Но что ещё я могла сказать при Максе?

— Правда? Знакомый? — Лео скептически выгнул правую бровь и абсолютно спокойным, уверенным тоном отчеканил: — Вообще-то я её парень. Как вам фильм, кстати?

Макс буквально поперхнулся воздухом и резко закашлялся, переводя ошарашенный взгляд с меня на Лео. Он явно не мог переварить услышанное, но изо всех сил пытался взять себя в руки и сохранить лицо.

— Да? Странно, Амелия о тебе до сегодняшнего дня ни разу не рассказывала, — Максим искривил губы в подобии вежливой улыбки. — Хотя обычно она делится со мной всеми важными событиями.

— Она просто ещё не до конца осознала всё случившееся, — хладнокровно ответил Лео, сделав шаг вперёд. — Это был наш маленький секрет, ты же прекрасно знаешь, какая она скрытная.

С этими словами он демонстративно притянул меня к себе за талию и быстро, властно чмокнул в губы, словно заявляя права на территорию. Я мысленно усмехнулась от этой глупости, но подыгрывать не собиралась.

— Да, действительно, секрет оказался настолько крошечным, что я о нём напрочь забыла, — с леденящей улыбкой вставила я, высвобождаясь из его хватки. — Так что там с фильмом?

— Ну, судя по сияющему виду Амели, она в полном восторге, а я большей фигни в жизни не видел, — стараясь держать удар, сказал Макс.

— Фигни? Да ты просто нормальных ужасов никогда не смотрел, — хихикнула я, пытаюсь разрядить обстановку.

— Это точно. Она всегда обожала их, и я до сих пор пора-

жаюсь, как в ней всё это уживается... — Лео выпалил это на одном дыхании и резко осёкся, испуганно переводя взгляд с моего лица на Макса.

— Всегда? — Макс мгновенно зацепился за опасное слово и подозрительно прищурился. — Вы что, давно знакомы?

— Мы? Нет! От силы пару недель, с момента той аварии, — с сомнением в голосе соврала я, чувствуя, как краснеют уши. — Просто Лео любит выражаться метафорами.

— Ладно, ясно, — Макс окончательно помрачнел, чувствуя ложь. — Амелия, тебя отвезти домой?

— Нет. У нас на вечер уже есть планы, я сам её потом отвезу, — Лео крепко перехватил мою ладонь, демонстрируя окончательную победу на этой невидимой арене. — Спасибо, что присмотрел за ней, Макс.

Никаких соперников здесь, конечно, не было, но реакция Лео выглядела забавно. Макс тем временем сильно закусил губу — я отчётливо видела, что он едва сдерживается, чтобы не сломать наглецу челюсть. Его отдали на бокс ещё в детстве, злить Макса всегда было плохой идеей. Но я знала, что переступать рамки приличия он не станет, как бы внутри всё сейчас ни кипело.

— Спасибо за компанию и за фильм, Макс! Увидимся в понедельник в университете, я обещаю всё-всё тебе рассказать, — поспешила я сгладить острые углы.

Макс сухо, сквозь зубы попрощался и быстрым шагом пошёл к выходу. Глядя ему вслед, я твёрдо решила, что при

первой же встрече выложу всю правду. Ну... или почти всю.

— И зачем нужно было устраивать этот цирк? — с упрёком спросила я Лео, едва мы отошли.

— Что значит зачем? Он хочет быть с тобой. И парню пора раз и навсегда уяснить простую истину: этого не случится ни сейчас, ни когда-либо в будущем. К тому же у меня на эту ночь планы.

— Планы? Какого чёрта, Лео? Ты не имеешь права просто появляться в любой момент и творить всё, что хочется.

— Мой план — увезти тебя отсюда как можно дальше, спрятать в горах и больше никогда не отпускать. Скажи мне честно, неужели ты сама этого не хочешь? — Лео тепло и обезоруживающе улыбнулся.

— Как ты вообще узнал, что я нахожусь именно в этом кинотеатре? — поспешила я перевести тему, отчаянно спасаясь от его пронзительного взгляда.

— Я всегда точно знаю, где ты, Амели. Я ведь уже говорил тебе об этом.

— Но как, чёрт возьми?

— Ты снова мне не поверишь, — он забавно соорудил серьёзную мину, внимательно изучая реакцию. — Я физически чувствую тебя. Ловлю резонанс биополя, улавливаю мысленные образы. Не все подряд, конечно, а только самые яркие, эмоциональные и громкие. Те, что ты в порыве паники или гнева подсознательно выпускаешь на волю.

— Это какая-то шутка? — я замерла посреди коридора.

— Вовсе нет, — спокойно ответил он. — Я же объяснял, что не совсем из этого привычного тебе мира. Меня с детства усердно обучали воспринимать окружающую реальность гораздо шире, чем её видят обычные люди. Тренировали расширять сознание, задействовать скрытые возможности разума и спящие ресурсы тела. Не скажу, что это походило на курорт. Моментами бывало не просто тяжело, а по-настоящему жутко и больно, но я шёл на это абсолютно добровольно. Они всегда точно знают, кто именно им нужен.

Лео на секунду замолчал, тщательно подбирая слова, и ещё крепче перехватил мои холодные пальцы.

— Позже к физическим нагрузкам добавились духовные практики. Нас учили осознанно входить в глубокий транс — пограничное состояние, в котором душа способна вспомнить всё то, что её заставили забыть при очередном земном перерождении. Именно тогда, во время одного из таких ментальных погружений, я впервые узнал о тебе. О нас. Все воспоминания хлынули в разум сокрушительным, калечащим цунами, и с того самого дня я больше ни о чём не мог думать. В этот раз всё быстрее. Меня призвала в эту страну твоя пробуждающаяся Сила. Я чувствую её пульсацию. И тебя самую ощущаю тоже. Потому что мы слишком долго были одним целым, пока нам не пришлось...

— Так, стоп, — я решительно затормозила посреди мно-

голюдного холла торгового центра. — Варианта у нас всего два. Либо ты сумасшедший, который свято верит в галлюцинации, либо всё это правда, и тогда я вообще без понятия, как мне со всем этим жить. Знаешь, куда комфортнее было считать тебя обычным сталкером, который просто шпионит за мной. Но твоя версия... Ты хоть понимаешь, как всё это звучит со стороны?

— Прекрасно понимаю.

— Да ничего ты не понимаешь! — воскликнула я, привлекая внимание прохожих. — Я годами внушала себе, что весь этот мистический бред — лишь игра бурной фантазии. И тут являешься ты и заявляешь, что моя шизофрения — истина в чистом виде, в которую я обязана поверить? Ты у психиатра вообще когда-нибудь был?

— Конечно, — Лео даже не подумал обидеться, лишь тихо, снисходительно хмыкнул. — Нашу группу регулярно и очень тщательно проверяют ведущие специалисты.

— Бред какой-то... — я растерянно потёрла лоб. — Ты что, сбежал из секретной лаборатории ЦРУ, где над людьми проводят опыты?

— Ну, если тебе так проще воспринять информацию, можно сказать и так, — улыбнулся он, и в глазах снова зажглись тёплые искры. — С той лишь разницей, что наша организация куда менее опасна, а её глобальная цель — помогать и защищать.

— Ладно, допустим. И что я, по-твоему, теперь должна со

всем этим делать? — выдохнула я.

— Просто доверься мне.

— Ну да, конечно... Просто взять и поверить в этот сумасшедший бред, — обречённо пробормотала я.

После этого я просто развернулась и ушла из торгового центра. Мне был нужен глоток свежего воздуха и элементарная возможность побыть наедине с мыслями. Я быстро шла по улице и физически ощущала, как пространство вокруг стремительно сжимается, а воздух становится пугающе плотным. Я и раньше улавливала это странное электрическое напряжение в атмосфере — невидимый предвестник бури, который всегда являлся зеркальным проявлением внутреннего хаоса.

«Что внутри, то и снаружи», — любят бездумно повторять все кому не лень. Но что конкретно скрывается за этой фразой? Для разума это означало лишь одно — колоссальное давление. Словно на хрупкие плечи внезапно погрузили тонну кирпичей. Я смертельно устала: и морально, и физически.

И тут среди хаоса меня пронзило внезапное озарение: приступов звона не было уже довольно давно. Я невольно испугалась этой мысли, панически боясь спугнуть хрупкое затишье. Наконец-то вокруг наступила долгожданная тишина, вот только в голове навести подобие порядка категорически не получалось. Я чувствовала себя беззащитной мухой, намертво угодившей в липкую паутину: чем отчаяннее я пыта-

лась вырваться, тем сильнее она меня держала.

Слёзы покатались из глаз, что само по себе стало шоком. Я плачу крайне редко. Я научилась подавлять любые эмоции, со временем почти полностью истребила в себе умение открыто выражать их. Но сейчас каменную плотину прорвало, и поток хлынул непрерывно, даруя слабое, спасительное подобие облегчения.

Рыдающая посреди улицы девушка не вызывала у идущих мимо прохожих ни сочувствия, ни банального интереса. Лишь глухое, брезгливое негодование. Наш социум так и не научили открыто проявлять душевные порывы, а уж адекватно реагировать на чужие переживания — и подавно. Иногда мне казалось, что мы — самое эгоистичное и жалкое поколение в истории, но что-то глубоко внутри всегда яростно сопротивлялось этому цинизму, заставляя упрямо верить в обратное.

Поняв, что истощённому организму требуются силы, я заглянула в первую попавшуюся кофейню. Пришлось ограничиться сэндвичем и горячим капучино. Я тупо, отрешённо смотрела на треугольные кусочки бутерброда, аккуратно разрезанного на четыре части ради удобства посетителей, и думала о том, что люди чертовски похожи на этот хлеб. Мы все с разной начинкой, но абсолютно одинаковые с виду. И Система точно так же упрямо пытается упаковать каждого из нас, подогнать под нужный формат, чтобы остальным было комфортно нас употреблять.

По природе я жизнерадостный человек, но порой бываю и такой — разбитой, уязвимой, растерянной. Эту сторону мало кто знал. Я тщательно прятала её от посторонних глаз. Наглухо скрывала ради того, чтобы в глазах толпы казаться сильной, уверенной и абсолютно непробиваемой. Защитные маски никогда не были данью страху перед чужим осуждением. Нет. Просто я до ужаса не хотела, чтобы кто-то ковырялся в моих ранах.

Лео не пошёл за мной. По крайней мере, я совершенно спокойно покинула фойе кинотеатра и вышла на улицу. Он не пытался меня удержать, и на миг показалось, будто меня наконец-то оставили в покое, хотя полной уверенности внутри не было. Возможно, он затаился неподалёку и прямо сейчас безмолвно наблюдал через стекло, как я механически проглатываю кусок за куском, отчаянно пытаюсь внушить себе, что всё в порядке.

В мире, где я росла, не существовало места для чудес. С раннего детства усваиваешь жёсткий, циничный урок: любые проблемы придётся расхлёбывать самостоятельно. Есть только ты и суровая реальность, и больше никого. С этим экзистенциальным одиночеством безумно трудно бороться, а в глубине души ты, пожалуй, и не стремишься к этой борьбе. Не хочешь ничего менять, потому что эти правила предельно понятны. Ты досконально знаешь, как выживать по законам этого мира. Ты подстраиваешься.

Да, внутри порой теплится крошечная надежда, которая

не даёт окончательно опустить руки и заставляет двигаться дальше, день за днём. Наивная вера в то, что однажды всё волшебным образом переменится и явится спаситель. Сказочный принц. Вот только в реальности любой принц рано или поздно предсказуемо превращается в обычного мужчину с кучей бытовых проблем. Но мы всё равно упрямо жаждем сказок. Нам это необходимо, чтобы не сойти с ума. Люди способны годами упоительно обманывать себя, искренне веря в грядущие перемены, пока окончательно не увязнут в болоте, куда сами же добровольно и закопались. Они просто верят, а нужно действовать.

Я честно пыталась заставить себя поверить Лео и его безумным историям, но обострённое чутьё упрямо улавливало скрытый подвох. Сидя за столиком кофейни, я достала из кармана телефон и начала лихорадочно искать хоть какие-то упоминания о нём в Сети. Кто он такой? Откуда приехал? Чем конкретно занимаются его загадочные родители-археологи? Всё это выглядело слишком странно.

Результат поисков оказался нулевым. Я не нашла абсолютно ничего. Его будто просто не существовало.

Один за другим я доела все четыре кусочка сэндвича, выпила остывающий капучино и вышла на улицу. И тут же снова наткнулась на него.

— Лео?

— Нам нужно поговорить. Немедленно, — отрезал он металлическим, не терпящим возражений тоном.

— Да ты не понимаешь! Я устала от всего этого бреда,
— взмолилась я, отступая на шаг. — Дай мне хотя бы пару часов, чтобы я могла просто прийти в себя!

— Я не могу, Амели. У нас очень мало времени.

— Времени? О чём ты вообще говоришь?

— Если ты прямо сейчас не научишься контролировать эти приступы, физическая оболочка просто не выдержит очередного мощного резонанса. Ты можешь погибнуть, — Лео мгновенно помрачнел и увёл взгляд в сторону.

— Хорошо, — я обречённо сдалась, но была рада, что он снова рядом. — Что именно я должна делать?

— Не здесь. Мне нужно, чтобы ты доверилась мне. Хватит воевать со мной и сопротивляться собственной природе. Я просто хочу спасти тебя, понимаешь? — в глубоком голосе послышалась немая мольба.

— Ну уж нет, — скептически протянула я, защитно скрестив руки на груди. — Я только что пыталась пробить имя по всем доступным источникам в Интернете — и в ответ пустота. Каждый человек оставляет следы, но за тобой нет вообще ничего. Почему?

— Меня нет в вашей цифровой системе, потому что все файлы были зачищены, — спокойно и буднично пояснил Лео. — Наша структура тщательно стирает любую информацию, Амели. У меня даже отпечатков пальцев не осталось. Смотри сама.

Он медленно протянул руки, раскрывая ладони. Я при-

стально присмотрелась к подушечкам: они были абсолютно гладкими, словно рельеф кожи полностью уничтожили ожогом. Как я не заметила этого раньше?

— Господи... Зачем они это сделали? — тихо прошептала я, осторожно, одними лишь кончиками пальцев прикасаясь к его пугающе гладкой коже.

— Так было необходимо, чтобы полностью исключить любую возможность идентификации. Амели, поехали со мной. Я отвечу абсолютно на все вопросы и обещаю: калечить или убивать тебя в планы по-прежнему не входит, — на его губах появилась мягкая, согревающая улыбка.

— Ладно, — выдохнула я, окончательно принимая неизбежное. — Но нужно хотя бы предупредить дедушку, что я задержусь в городе.

Я набрала сначала маме, а затем и дедушке. Не то чтобы дома кто-то сильно изводил себя мыслями о моей безопасности, но ради предотвращения лишних скандалов сделать это всё же стоило. К тому же я очень не хотела, чтобы дедушкашний раз за меня переживал. Мы сели в машину, Лео повернул ключ в замке зажигания, и автомобиль стрелой помчался прочь по трассе. Никакого страха я по-прежнему не испытывала — подсознательное, глубокое доверие к этому человеку жило во мне с первой секунды, — но его тайны и вечные недоговорки начинали откровенно злить. Мы ехали так долго, а ночной пейзаж за окном мелькал так монотонно, что в какой-то момент я незаметно для себя провалилась в

глубокий сон. Сон — ещё одна доступная терапия, способная исцелить уставший разум.

Глава 10. Исповедь

Я очнулась от того, что машина плавно затормозила. Открыв глаза, увидела, что мы находимся высоко в горах. Впереди, среди суровых скал и леса, одиноко стоял небольшой деревянный коттедж.

«Дом. Мило», — подумала я.

Мы вышли на прохладный, свежий воздух. Лео молча зашагал по тропинке, а я послушно последовала за ним, чувствуя себя наказанным ребёнком, плетущимся вслед за строгим родителем. Он уверенно толкнул массивную дверь, и мы переступили порог. Внутри оказалось на удивление комфортно, ничего лишнего. Мебели — самый минимум, но всё необходимое для жизни имелось. Большой холл был объединён с гостиной и кухней, что создавало ощущение свободного пространства.

Мы прошли в гостиную. Я жутко устала и сильно замёрзла, и Лео сразу это заметил.

— Сейчас быстро растоплю камин. А пока накинь вот это, — он снял с деревянной вешалки и протянул флисовую рубашку в крупную зелёную клетку.

— Спасибо, — тихо пробормотала я, посильнее кутаясь в тёплую ткань.

Она пахла им — чем-то древесным и кожей. Носить его вещи казалось естественным, но разум упрямо задался во-

просом: как он безошибочно угадывает каждое желание?

— Амели, я всегда точно знаю, что тебе нужно, — словно без труда прочитав мысли, мягко улыбнулся он. — Хочешь чего-нибудь выпить? В холодильнике есть апельсиновый сок, налить?

— Я терпеть не могу апельсиновый сок, — с искренним отвращением скривилась я, и Лео весело расхохотался.

— Ах да, забыл. Прости. Тогда могу предложить зелёный чай.

— Отлично, — я мгновенно зацепилась за странную фразу и пристально уставилась на него, замечая малейшие изменения на лице. — Стоп. Что значит — «ах да, забыл»?

— Это значит, я прекрасно знал, что в этой жизни ты его на дух не переносишь, просто решил лишний раз проверить, — Лео расслабленно облокотился на кухонный стол. — В некоторых прошлых жизнях ты его любила, но чаще всё-таки нет. Существуют маркеры, базовые поведенческие особенности, которые навечно вписаны в самую матрицу существа. В ДНК. Конечно, не сок или мелочи, а суть. Стержень.

— Проверить он решил... — буркнула я, поудобнее устраиваясь на мягком диване и подтягивая колени к груди. — Это вообще-то я должна проверять тебя по всем статьям, человек-загадка.

— Интересное определение для того, с кем ты хотела провести вечность, — хладнокровно ответил Лео.

На этот раз он посмотрел на меня в упор, без привычной

иронии или улыбки. От неожиданности я чуть не подавилась дыханием. На секунду в комнате повисла оглушительная, мёртвая тишина, прерываемая лишь сухим треском разгорающихся в камине поленьев.

— Очень смешно, — наконец выдавила я хриплый звук, отчаянно пытаюсь вернуть ускользающее самообладание. — Ладно. Ты привёз меня в эту глушь, чтобы наконец всё рассказать, верно? Ну, я внимательно слушаю.

Я замерла в предвкушении разгадки. В этот момент на кухне шумно закипел электрический чайник. Лео молча разлил горячую воду по двум массивным керамическим кружкам, принёс их в гостиную и бережно опустил на журнальный столик перед диваном.

— Спасибо, — тихо сказала я и села, поплотнее укутываясь во флисовую ткань и сразу хватая чашку со стекла.

Мята.

И это он угадал без лишних вопросов. Интересно, Лео заварил её специально для меня или сам любит такой вкус? Я обожала горячий чай и всегда пила его почти сразу, не дожидаясь, пока остынет.

— Я знаю, что ты любишь с мятой, — мягко произнёс он, садясь чуть ближе, и снова перехватил мою ладонь, принимаясь привычно, успокаивающе перебирать пальцы.

— Ты делаешь так каждый раз, — заметила я, заворожённо гипнотизируя взглядом переплетение рук.

— Я люблю так делать, Амели. И ты тоже обожала это,

когда...

После этих слов я резко, с силой выдернула пальцы из его ладоней.

— Хватит. Я сыта по горло загадками. Или ты расскажешь всё прямо сейчас, или я сию минуту вызываю такси и уезжаю обратно в город.

— Ладно, — Лео тяжело, обречённо вздохнул, и в зелёных глазах на миг промелькнул взгляд человека, приговорённого к миллионам лет одиноких, невыносимых страданий. — Я попробую объяснить. Только прошу: выслушай до конца, не перебивая, а уже потом сама решишь, как с этой правдой поступить. Договорились?

— Обещаю, — кивнула я, скрывая волнение.

— Ты наверняка знаешь, что у человека есть бессмертная душа, способная проживать далеко не одну земную жизнь, — заговорил он, заворожённо всматриваясь в бушующее пламя камина. — Мы перерождаемся снова и снова, переходя из одного воплощения в другое. В каждом новом круге либо забираем с собой обновлённую, лучшую версию себя, либо поддаёмся низменным порывам, откатываемся на несколько ступеней назад и заново проходим весь этот путь. Так вот, в прошлом мы действительно были вместе. Только не в привычном тебе мире, а в иной реальности. Теория струн не врёт: параллельные измерения существуют, просто барьер между ними слишком плотен для физического тела. Наша Вселенная колоссальна, в ней бесконечно много уров-

ней, но мы с тобой — неотъемлемая часть этой единой, живой Системы.

Лео сделал глоток остывающего чая и продолжил. Его голос теперь звучал как завораживающая, леденящая душу древняя легенда:

— Мы жили на Острове, надёжно скрытом от любых внешних факторов. Подобных мест немало, и каждое из них — своего рода новый этап, как уровни в игре. Души распределяются по ним строго по мере готовности. На одном Острове мы очищаемся от разрушительной гордыни, на другом — искупаем жадность во всех проявлениях, на третьем — навсегда изживаем тщеславие. Конечно, пройти эти уроки можно и в земном воплощении, но здесь это делать в сотни раз тяжелее, особенно когда истинная суть наглухо заблокирована. Забыта.

Он снова медленно повернулся ко мне, и потемневший взгляд заметно потеплел:

— Пары там тоже образуются далеко не случайно. Души сами безошибочно находят родную половину, если выражаться простым человеческим языком. Хотя это слишком плоское, ограниченное описание. На самом деле мы — две разные, абсолютно самостоятельные сущности, идеально совпадающие по частоте вибраций и уровню духовного развития. Мы всегда понимали друг друга без слов.

Лео тяжело выдохнул, глядя на переплетение теней на стене:

— У каждого на Острове есть строгие обязанности, которые он должен беспрекословно выполнять, — продолжал Лео, гипнотизируя взглядом пляшущие языки пламени в камине. — Ты была Наставником. Твоя задача заключалась в том, чтобы готовить души к первому перерождению в этой плотной реальности. Я был одним из твоих учеников, и, как только ступил на Остров, наши энергии резонировали, они тянулись друг к другу. Было непросто: само обучение и то, что многое приходилось скрывать, но потом я узнал, что ты хотела сделать.

Он горько, надломленно усмехнулся и перевёл потемневший взгляд на меня:

— Ты всем существом противилась тому, чтобы отправлять учеников сюда. Чувствовала, какие страдания и калечащие испытания ждут их в человеческих телах, и просто не могла спокойно жить с этим знанием. Чужая боль выжигала изнутри. Верховный Старейшина вовремя заметил опасный сбой и попытался силой направить тебя на путь истинный. Понимаешь, ради благой цели Совет легко мог пожертвовать кем угодно. Но ты категорически отказалась подчиняться жёстким догмам. Ты не понимала, зачем заставлять незрелые души проходить уроки в столь жестоких, первобытных условиях. Зачем принуждать их напрочь забывать, кем они являются на самом деле и какой колоссальной космической мощью обладают, если можно было сделать эволюцию сознания иначе?

Лео тяжело вздохнул, и в его голосе проскользнули леденящие, стальные нотки:

— Старейшины — серые. Для них в принципе не существует земных понятий добра или зла, есть лишь Замысел. Очищение душ. Высший план, который они намерены исполнить любой ценой. Тот наш мир тоже нельзя назвать абсолютным совершенством: мы — лишь пробная версия, черновик того идеального мира, которого отчаянно пытаются достичь высшие архитекторы. Но ты не смогла слепо принять их законы. Ты свято верила в силу каждого отдельного индивидуума, в потенциал каждой искры первородного Света. И тогда приняла разрушительное решение: отправиться на Землю, чтобы помогать людям прямо здесь, на месте, не сбиваться с курса и раскрывать скрытые силы. Ты всё решила одна, оставив меня наедине с твоим выбором.

Он резко замолчал, до белых костяшек сжав пальцами края кружки с остывающим чаем.

— Я этого не хотел. Единственное, о чём я мечтал, — оставаться с тобой там, где мы были, и развиваться вместе. Но я бы никогда не посмел удерживать тебя силой. Я без раздумий шагнул бы вслед за твоей душой в любое измерение, в самый мрачный ад, лишь бы быть рядом. Ведь добровольный спуск на Землю для таких существ, как мы, — это колоссальный, болезненный шаг назад. Я пытался отговорить тебя от этих разрушительных мыслей, но с каждым днём ты становилась всё несчастнее, и я просто не мог на это смотреть. Но

и смириться с уходом я тоже не сумел. И вот в один миг ты просто исчезла, бесследно растворившись в пространстве.

— Ты разорвала меня надвое, Амели, — Лео поднял глаза, и в их глубине я увидела обжигающую, вековую боль. — Одна половина отправилась на Землю, а вторая, искалеченная и кровоточащая, осталась там, на Острове. Я долго не мог поверить в случившееся и решил идти по твоим следам. Но Старейшины сказали, что перед самым побегом ты похитила Ключ-артефакт. Ту самую Силу, которая должна была пробудить тебя, если ты окончательно потеряешь связь с внутренним «я», а вместе с тобой и те души, ради которых ты пошла на этот шаг. Ты жестоко нарушила незыблемые правила Совета. Этот артефакт устроен слишком сложно, он непрерывно выкачивает из земного носителя колоссальные объёмы жизненной энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.